

На правах рукописи

КАСИМОВ Руслан Харисович

**ЛОКАЛЬНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГОРИЗОНТЕ ЯЗЫКА:
МЕТАФОРА И ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ**

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ
на соискание ученой степени
доктора философских наук

Тюмень
2019

Диссертация выполнена в ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет».

Научный консультант: **Кондаков Вадим Авенирович**,
доктор философских наук, доцент

Официальные оппоненты: **Бернюкевич Татьяна Владимировна**
доктор философских наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Московский государственный строительный
университет», доцент кафедры истории и
философии

Истамгалин Рамиль Сафиевич
доктор философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Уфимский государственный
нефтяной технический университет», профессор
кафедры философии, истории и социального
инжиниринга

Храпова Виктория Анатольевна
доктор философских наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный
университет», профессор кафедры философии

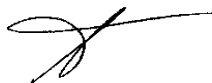
Ведущая организация: **ФГБОУ ВО**
«Магнитогорский государственный
технологический университет им. Г.И. Носова»

Защита диссертации состоится 27 ноября 2019 г. в 10-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, созданного на базе ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (625003, г. Тюмень, ул. Республики 9, ауд. 211).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»: <https://diss.utmn.ru/sovets/diss-sovet-212-274-02/zashchita/682457/>

Автореферат разослан 14 марта 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

А. И. Павловский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Термин «цивилизация» приобретает в современной истории, философии и социологии все большее значение. Эта популярность обусловлена определенной интеллектуальной модой, падением «железного занавеса» и возможностью использования долгое время запрещаемого (а потому и желанного) и антагонистичного традиционному для СССР формационному подходу метода «цивилизационной компаративистики».

С другой стороны, как верно замечает С. Хантингтон в своем известнейшем произведении, для эффективного анализа ситуации в мире и воздействия на нее требуется «упрощенная карта реальности, какая-то теория, модель, парадигма». Актуальная до крушения Советского Союза трехчленная модель (капстраны (или «свободный мир» в терминах западной социологии), соцстраны («коммунистический блок») и страны «третьего мира») устарела и перестала отражать происходящие социальные и политические процессы.

Моном глобальной цивилизации в духе «Конца истории» Ф. Фукуямы стал «иллюзией»: «изменения оказались неизбежными; прогресс – нет». Полиномичная модель «реальной политики», приписывающая субъектность всем существующим национальным государствам, оказывается слишком сложной и нерелевантной из-за тенденции к увеличению прозрачности национальных границ. На основании категории «цивилизация» возможно выстраивание новой социально-культурной и исторической картины мира, позволяющей адекватно оценивать актуальные общественно значимые явления и прогнозировать будущее.

Категория цивилизации, понимаемая как социокультурный макрообъект, больший, чем нация, и меньший, чем человечество, обладает значительными возможностями в конструировании будущих форм общественного устройства. Чтобы подчеркнуть значение «социокультурный макрообъект» в литературе применяется термин «локальная цивилизация» в противоположность «глобальной цивилизации» или даже «цивилизации», понимаемой как этническая культура (см. Ф. Фернандес-Арместо). В той или иной мере термин «локальная цивилизация», как считается, ведущий начало от Ш. Ренувье (*civilization d'origine*), коррелирует с «культурными рядами» Г. Рюккерта, «культурно-историческими типами» Н. Я. Данилевского, «высокими культурами» О. Шпенглера, «системами культуры» П. Сорокина и «суперэтносомами» Л. Н. Гумилева.

Казалось бы, категория цивилизации, столь популярная в философском, политическом и культурологическом дискурсах современной России, исследована уже полностью. Но все-же остаются огромные области, находящиеся в когнитивной «тени». Одним из таких малоисследованных регионов является область метафорических презумпций «теории цивилизации».

Локальная цивилизация репрезентирована чаще всего как научное понятие, теория и система. В «тени» остается факт того, что эта категория во многом определена бессознательными установками, имеющими

метафорическую природу. Концепт цивилизации всегда выстраивался на основе сравнения с чем-либо иным. Фундаментальные метафорические образования, лежащие в основании «теории локальных цивилизаций», получили названия префигураций. Этот момент позволяет обнаружить глубинные, во многом бессознательные, установки, решающим образом определяющие структурные особенности «цивилизационных теорий». Одной из важнейших задач работы стало выявление префигуративных оснований цивилизационистики и выстраивание истории «теории цивилизации» в терминах борьбы фундирующих ее ключевых метафор.

Одним из недостатков современной цивилизационистики является редукционизм, который сводит все многообразие проявлений цивилизации к одной сущности (политическим процессам, экономическим изменениям, географическим факторам и т.д.). Редукционизм порождает множество aberrаций в восприятии и понимании этого сложного феномена. Абсолютизация одного фактора неизбежно приводит к недооценке или игнорированию остальных.

Под углом префигуративной стратегии, названной текстуализмом, феномен цивилизации представлен как многомерное явление, различные измерения которого не могут быть редуцированы к одному. Текст этимологически понимается как «переплетение» различных «нитей» и метафорически представлен как «ткань» цивилизации. Образующие «ткань» «нити» взаимно переплетены и взаимосвязаны. Таким образом, цивилизационный редукционизм становится неактуальным.

«Нити», образующие «ткань» цивилизации, названы в диссертации «горизонтами». Многие горизонты хорошо исследованы как в синтетических, так и редукционистских вариантах «цивилизационной теории». Но «нить» языка в большинстве работ либо игнорируется, либо «подразумевается», либо лишь слабо намечена. Последние события в сфере международных отношений демонстрируют не убывающую, а усиливающуюся роль языка. «Столкновения цивилизаций» происходят в глокализирующемся мире не только в политическом, экономическом и религиозном горизонтах, но и в горизонте языка. Украина и Белоруссия, Кавказ, Ближний Восток и Средняя Азия и даже отдельные регионы Российской Федерации демонстрируют увеличение языкового напряжения. Более того, становится очевидным, что языковые конфликты не сводятся к этническим и национальным антагонизмам. Это примеры столкновения цивилизаций. Далее невозможно игнорировать горизонт языка, как это делает «классическая» цивилизационистика. В работе доказан тезис о существовании языкового измерения феномена локальных цивилизаций, выявлены его уровни и их взаимодействие.

Исследование цивилизационных идентичностей представляет собой mainstream современной отечественной историософии, философии культуры, общества и политики. Но этот концепт часто воспринимается как «самоочевидный», незначительна рефлексия его оснований. Поэтому эта важная категория имеет ряд ограничений. Идентичность – это акцентирование

самотождества, отличия от «другого», монолога. В работе предпринята попытка дополнить категорию идентичности ее диалектическим антитезисом – категорией интенции. Цивилизационные интенции активируют другие смысловые поля. Здесь важно не только наличие границ, но и подчеркивание их условности и проницаемости, выделение цивилизационных взаимодействий, сосредоточение на культурном диалоге. В работе выделены особые миры-языки и рассмотрены примеры их интенционального взаимодействия. Это позволяет пролить новый свет на сущность происходящих сегодня языковых и цивилизационных изменений.

Важной задачей представляется «встраивание» цивилизационистики в постструктуралистский дискурс. В эпоху постмодерна происходит закат «больших нарративов», так как его основанием является «недоверие в отношении метарассказов». Историческое и культурологическое построение масштабов *longue durée* становятся «археологией», фактами эпохи «модерна» и «логоцентризма». Подобный взгляд выносит всю классическую русскую мысль, которая полностью выстроена как «метанарратив», в область «тоталитарного дискурса». Цивилизационистика, являясь важной интегральной частью русской философии истории и культуры (достаточно вспомнить имена Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева, П. Сорокина, Л. Н. Гумилева, А. С. Панарина), также оказывается «под подозрением».

В диссертации предпринимается парадоксальная попытка возрождения «метанарратива» средствами самого постмодерна. Одним из важнейших характеристик последнего является его субстанциональная «языковость». В работе производится «лингвистический поворот» в отношении «цивилизационной теории», что позволяет не только сохранить классическое наследие, но и реконструировать его на принципиально новых основаниях.

Степень научной разработанности проблемы

Идея цивилизации давно уже стала классической в рамках философии истории и философии общества. Возникнув в эпоху Просвещения, теория цивилизации (или цивилизационистика) обрела своих «корифеев», получивших место в университетских, и даже школьных учебниках. Среди самых известных представителей цивилизационистики чаще всего называют Г. Рюккерта, Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина. Также широко известны теории Ж. А. Гобино, К. Н. Леонтьева, Н. Элиаса, Ф. Броделя, С. Хантингтона, Л. Н. Гумилева, А. С. Панарина.

В формирование цивилизационистики внесли вклад многие значительные мыслители эпохи Просвещения. Идея цивилизации как «топографии» и «хронографии» складывается под влиянием работ Д. Локка, Дж. Вико, Ш. Л. Монтескье, Вольтера, Й. М. Хладениуса, Т. Рида, Ж.-Ж. Руссо, К. А. Гельвеция, В. Р. Мирабо, Н. А. Буланже, А. Фергюсона, И. Канта, А. Р. Ж. Тюрго, Э. Гиббона, Д. Дэнбара, Ж. А. Кондорсе, И. Г. Гердера, Г. Форстера, У. Плейфейра.

В XIX веке в философии и истории складывается представление о цивилизации как «механизме» или «организме». Подобная трактовка цивилизации получает признание благодаря идеям В. Гумбольдта, Ш. Фурье, Л. Г. Бональда, А. Сен-Симона, Г. В. Ф. Гегеля, К. В. Ф. Шлегеля, Ф. П. Гизо, Ж. Мишле, О. Конта, А. Токвиля, И. Г. Дройзена, Д. С. Милля, Л. И. Мечникова, Л. Г. Моргана, Ф. Энгельса, Г. Спенсера, Г. Т. Бокля, Ш. Летурно, Ф. Ницше, Л. Г. Лампрехта, Д. Д. Фрезера, Ф. Боаса.

В XX веке эта линия цивилиционистики продолжается Э. Дюркгеймом, М. Вебером, А. Берром, А. Нисфоро, М. Моссом, Л. Вебером, К. Ясперсом, Ш. Айзенштадтом, Д. Нидхемом, У. Мак-Нилом, Э. Шилзом, М. Ходжсоном, деятелями американского «Международного общества сравнительного изучения цивилизаций» О. Андерле, М. Мелко, Э. Тарговски, Ф. Х. Бэгби, К. Куигли, Р. Кулборном, А. Кребером.

Идея так называемого «цивилизационного подхода» очень популярна в отечественной философии и истории. Отечественные мыслители, большей частью, рассматривают феномен «цивилизации» с позиций органицизма. Традиционно «цивилизационный подход» противопоставляется, так называемому, «формационному подходу». В России за последние тридцать лет написано много работ, посвященных структуре, генезису, выявлению существенных характеристик, географических границ, ценностных ориентиров цивилизаций. Цивилиционистика зарождается в СССР в 70-е годы прошлого века. Наиболее известными ее представителями были М. А. Барг, Е. Б. Черняк, А. Я. Гуревич, Л. С. Васильев, Г. М. Бонгард-Левин, М. П. Мчедлов.

Среди исследователей, обратившихся к изучению феномена цивилизации и их взаимодействию в постсоветский период, а также изучению цивилизационной идентичности, выделим Г. А. Аванесову, А. В. Авксентьева, А. С. Ахиезера, Б. В. Аксюмова, М. М. Акулич, Т. В. Бернюкевич, И. А. Бокачева, Б. С. Ерасова, С. Ю. Иванову, В. В. Ильина, В. Л. Иноземцева, И. Н. Ионова, В. Д. Исаева, Р. С. Истамгалина, В. К. Кантора, С. Г. Кара-Мурзу, Н. В. Клягина, В. С. Козловского, И. В. Кондакова, Н. Е. Копосова, Э. С. Кульпина, Б. Н. Кузык, А. И. Липкина, Е. С. Ляпина, А. П. Маркова, Н. М. Морозова, Н. В. Мотрошилову, А. Б. Невелева, Г. В. Осипова, А. А. Пелипенко, В. И. Полищука, М. Е. Попова, Н. С. Розова, К. Б. Соколова, В. С. Степина, С. И. Сухоноса, Г. В. Телегину, А. Н. Флоренсова, П. Ю. Черношвитова, А. Е. Чусина-Русова, И. Г. Яковенко, Ю. В. Яковца.

Текстуализм, основы которого формируются еще в XIX веке в работах Ч. С. Пирса и Г. Фреге, играет большую роль в современной цивилиционистике. Текстуалистское понимание культуры, общества и истории разрабатывают в феноменологии Э. Левинас и М. Мерло-Понти, герменевтике – Х.-Г. Гадамер, П. Рикер и Э. Бетти. Интерпретация цивилизации как текста закладываются в рамках структурализма. В этой области наибольшее влияние оказали работы зачинателей структурной антропологии и лингвистики К. Леви-Стросса, У. Эко, Э. Бенвениста, Р. Якобсона, А. Греймаса. В СССР структурализм и текстуалистское понимание культуры развивается в «Московско-Тартусской

семиотической школе» Ю. М. Лотманом, В. Н. Топоровым, А. М. Пятигорским, Вяч. Вс. Ивановым, Б. А. Успенским.

Сегодня текстуализм разрабатывается в границах постструктурализма, превращающего эту префигурацию в «пантекстуализм». Наиболее известны текстуалистские тезисы Р. Барта, Ж. Дерриды, М. Фуко, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Ю. Кристевой, Ж.-Л. Нанси. В области социальной антропологии, истории и политологии постструктуралистский текстуализм развивается К. Гирцем, Б. Андерсоном, Э. Саидом. В России сторонником этой тенденции является В. А. Тишков.

В области собственно цивилизационной теории текстуалистские построения обнаруживаются в работах А. Кребера. Наиболее отчетливо текстуализм проявляется в деятельности второго и, отчасти, третьего поколения французской школы «Анналов», сформировавшегося под воздействием структурализма Ф. Броделя, П. Шоню, Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби. В. А. Храпова в своей диссертации рассмотрела текст как социокультурный код цивилизации.

Роль метафоры в познании впервые отметили в первой половине прошлого века Э. Кассирер и Х. Ортега-и-Гассет. В США и Великобритании вслед за работами С. Пеппера теория метафоры становится одним из важнейших предметов исследования аналитической философии. Среди тех, кто разрабатывал тропологию во второй половине XX и начале XXI веков, – Ф. Р. Анекрмит, Д. Бикертон, М. Бирдсли, М. Блэк, В. Вжозек, Н. Гудмен, С. Гуттенплан, М. Джонсон, Д. Драисма, Д. Дэвидсон, К. Казо, З. Ковечес, Л. Кэмерон, Д. Лакофф, М. Леезенберг, Г. Лоу, Э. Р. Мак-Кормак, Дж. А. Миллер, И. Младенов, Г. Мур, Р. Мун, М. Ноулс, Э. Ортони, Д. Пантер, Д. Пембертон, М. Ракова, П. Рикер, А. Ричардс, Дж. Серл, С. Снэварр, Д. Стерн, Р. Д. Стернберг, Т. Кун, Ф. Уилрайт, Р. Д. Фогелин, М. Б. Хесс, М. К. Хирага, М. Холл, Ф. Юбэнкс, Р. Якобсон.

В СССР и России проблемой роли метафоры в когнитивном процессе занимались Н. Д. Арутюнова, А. Г. Бакиев, А. М. Баранов, Н. Н. Белозерова, Э. В. Будаев, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, С. С. Гусев, К. А. Кедров, Б. С. Котов, Х. Д. Леэметс, В. П. Москвин, Е. О. Опарина, Н. А. Мшанкина, В. В. Петров, А. С. Самигуллина, В. Н. Телия, А. И. Уемов, А. П. Чудинов, А. М. Шахнарович, Н. М. Юрьева.

Проблема связи языка и культуры является одной из важнейших тем гуманитарных наук XX века. Язык осмысливается как онтологический горизонт в философии Л. Витгенштейна, Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Гипотеза «лингвистической относительности» формулируется Б. Уорфом и Э. Сепиром. Эти явления ведут к «лингвистическому повороту» в философии. Влияние на формирование идеи языкового цивилизационного горизонта оказали работы, в которых разрабатывалась теория языковых контактов. В этой области наиболее известны следующие исследователи: А. Вежбицкая, П. Баккер, В. Бертольди, Д. Гринберг, У. Вайнрайх, Б. Гавранек, Д. Гамперц, В. Георгиев, Й. Гжега, С. Гэл, Ф. Даркин, Н. Дориан, С. Дюбуа, Х. Ю. Зассе, П. Колерс, А. Мартине, М. Мелансон, А. Росетти, Д. Фишман, Э. Хауген.

Н. С. Трубецкой одним из первых обосновывает тесную взаимосвязь культуры и языка, идею, противоположную господствующей теории Ф. Соссюра, призывавшего рассматривать язык автономно от внешних к нему факторов. Эта традиция продолжается в отечественной лингвистике и философии культуры, где идея тесной связи языка, слова, ментальности и культуры развивается в работах Ю. Д. Аперсяна, М. М. Бахтина, О. Э. Бондарец, Т. В. Булыгиной, Е. М. Верещагина, В. Г. Демьянова, А. И. Ефимова, В. В. Колесова, В. Г. Костомарова, О. А. Корнилова, Л. П. Крысина, Е. С. Кубряковой, Д. С. Лотте, С. А. Лишаева, В. В. Наумова, М. К. Петрова, Г. П. Нещименко, О. А. Радченко, А. П. Сковородникова, А. В. Смирнова, Ю. И. Смирнова, Е. Ф. Тарасова, А. А. Уфимцевой, Ф. П. Филина, Г. А. Хабургаева, Т. В. Цивьяна, Н. М. Шанского, А. Д. Шмелева, Е. С. Яковлевой. В теории «субэкумен» Г.С. Померанца и Я. Г. Шемякина встречается представление о связи локальных цивилизаций с «языком, текстом и шрифтом».

Генезис и развитие систем письма исследуется в трудах Д. Дирингера, В. А. Истрина, Ф. Кулмаса, Ч. Лоукотки, Г. Роджерса, В. В. Струве, И. Фридриха.

Выбранная нами область русских философских текстов имеет давнюю историю изучения и своих «классиков». Среди них отметим В. В. Зеньковского, Н. И. Кареева, А. Койре, М. О. Кояловича, П. И. Линицкого, Н. О. Лосского. Во второй половине XX века к изучению русской философии обращаются В. В. Ванчугов, К. Г. Исупов, Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская, Л. Н. Столович, А. Д. Сухов, А. А. Федоров, Л. Е. Шапошников, Б. В. Яковенко.

Объект и предмет исследования.

Объектом исследования является феномен локальных цивилизаций.

Предметом исследования выступает языковой фактор феномена локальных цивилизаций, его префигуративные основания и уровни.

Цели и задачи исследования

Целью исследования является рассмотрение феномена цивилизации в аспекте текстуализма и выявление горизонта языка в феномене локальной цивилизации, его предпосылок, условий функционирования, структуры и взаимодействия структурных элементов.

Из поставленной цели проистекают исследовательские **задачи**:

1. Деконструировать категорию «цивилизация» как синкретическую тотальность, простое единство и естественный феномен.
2. Доказать префигуративность оснований «цивилизационной теории», рассмотреть историю цивилизационистики в контексте социокультурных когнитивных установок своей эпохи. Обнаружить логику борьбы префигуративных эпистем и наметить их периодизацию.
3. Раскрыть актуальность текстуалистской стратегии и ее эффективность в преодолении культурно-исторического редукционизма. Показать влияние презумпции текста на концептуальные схемы, утверждающие многомерность феномена локальной цивилизации. Установить характерные особенности

текстуализма, позволяющие ему стать основанием современных цивилизационных теорий.

4. Эксплицировать особое измерение феномена локальных цивилизаций – языковое. Выявить уровни этого измерения и их содержание.

5. Теоретически обосновать взаимодействие различных цивилизаций на разных уровнях языка и проанализировать влияние этих контактов на его содержание.

Теоретико-методологическая основа исследования

В теоретическом отношении работа базируется на предложенном С. Пеппером тезисе о том, что различные картины мира (или, в терминах автора, «мировые гипотезы») строятся на, так называемых, «ключевых метафорах». Последние становятся не только основой определенного типа мировоззрения, но и фундаментом научных теорий. Столкновение с неизвестным неизбежно порождает стремление к описанию непознанного в терминах уже известного. Таким образом, возникают «ключевые метафоры», позволяющие дифференцировать исследуемое поле. «Ключевые метафоры», согласно С. Пепперу, порождают категориальный аппарат и методы познания. Позднее оформляется особое направление в рамках теории познания, которое было названо «тропологией».

В области философии истории тропология наиболее успешно применяется Х. Уайтом, который рассматривал классические исторические дискурсы XIX века в их связи с «ключевыми метафорами», формы строения которых были названы «префигурациями». В диссертации цивилизационный дискурс исследован с тропологической точки зрения. Система префигураций С. Пеппера и Х. Уайта подвергнута пересмотру. Сохранены две, наиболее явно проявляемые в построениях цивилизационистики, «оригинальные» префигурации: «механицизм» и «органицизм». «Контекстуальная» префигурация переосмыслена, и выступает в диссертации как «текстуализм». Добавлены три новые префигурации, характерные для историософии XVIII века и отсутствующие в работах основоположников тропологии.

Другим важным нововведением является рассмотрение префигураций с позиций историцизма, тогда как С. Пеппер и Х. Уайт представляют первые как абсолютные структуры. В изучении исторического процесса смены префигураций (подобно *paradigm shift* Т. Куна) используется диалектический метод, позволяющий проанализировать борьбу «ключевых метафор» в их единстве.

Первая часть работы представляет собой деконструкцию традиционной «цивилизационной теории», что подразумевает использование отдельных методов постструктурализма. Причем деконструкция может быть эффективно проведена только по отношению к «классической цивилизационной теории» с ее логоцентрическими построениями – органицизмом и механицизмом. Текстуализм, рассматриваемый во второй части работы, является результатом постструктуралистского конструирования.

Горизонты политики, экономики, религии деконструируются постмодернистами посредством перевода их в горизонт языка и, тем самым, они реконструируются как «языковые игры». Но деконструкция самого языка (имеется в виду естественный язык) является парадоксом – деконструкция деконструкции. Язык даже в условиях постмодерна остается структурой.

Вторая часть работы выполнена с позиций реконструкции. Язык рассматривается со структуралистских позиций. В частности, используются категория «языковых союзов» Н. С. Трубецкого, и на основе категории «мир-экономика» Ф. Броделя конструируется новое понятие – «мир-язык».

Идеи «горизонта» и «интенциональности» заимствованы из традиций феноменологии и герменевтики. Методология исследования интенций, использованная в работе, опирается, большей частью, на Ф. Brentano, чем на феноменологию Э. Гуссерля. «Методологический солипсизм» последнего сменяется на интерес к социокультурным аспектам интенциональности в рамках аналитической философии (к которой также принадлежали создатели тропологии). Один из крупнейших представителей аналитической философии Дж. Серл выдвигает идею «коллективной интенциональности». Эта идея стала основой концепта цивилизационной интенциональности, которая введена в диссертацию для исследования содержания языкового цивилизационного горизонта.

Для анализа элементов языкового горизонта (графем, лексем, текстов) русского языка использовался сравнительно-исторический метод, позволивший установить «исторические закономерности развития языков» и выявить генетические языковые общности. Методы компаративистики «базируются на системном анализе, поскольку сравнению подлежат не частные явления, а языковые системы»¹.

Научная новизна исследования

1. В цивилизационную теорию введен метод тропологии, позволяющий выявить префигуративные основания существующих теоретических построений в этой области. С помощью этого метода установлено, что история «теории цивилизации» представляет собой поле «борьбы» метафор.
2. Выдвинута авторская концепция развития «теории локальных цивилизаций» в свете борьбы различных префигуративных стратегий. Если история цивилизационистики представлена, в основном, как столкновение идей, то в диссертации впервые предлагается идея рассмотрения истории «цивилизационной теории» как антагонизма метафорических презумпций. Открыты и описаны шесть метафорических концептов, названных префигуративными эпистемами, которые фундируют «цивилизационную теорию» в различные периоды. Выявлены характерные черты этих эпистем и их взаимодействие.

---

¹ Нерознак В. П. Сравнительно-исторический метод // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 485-486.

3. Установлено и обосновано, что современная философия культуры и социальная философия (с середины XX века) фундированы метафорой текста и, следовательно, развиваются в рамках префигурации, получившей название «текстуализм». Современная же «цивилизационная теория» находится под влиянием органицистской префигурации. В границах текстуализма открыты новые возможности развития «цивилизационной теории», позволяющей преодолеть редукционизм, эклектичность, эксклюзивность и излишнюю метафизичность существующих «теорий цивилизации».

4. Введен концепт «цивилизационного горизонта», под которым понимаются отдельные измерения локальной цивилизации, и который позволяет рассмотреть последнюю как множество взаимосвязанных уровней. Понятие «горизонта» наиболее релевантно в границах текстуализма и идет на смену понятиям «механизмов» и «органов» цивилизации, характерных для предыдущих префигуративных эпистем. Сконструирован и теоретически обоснован концепт «языкового цивилизационного горизонта», призванного дополнить политический, экономический, религиозный, географический и психологический цивилизационные измерения. Определено, что языковой цивилизационный горизонт играет решающую роль в границах текстуалистской префигурации.

5. Введено понятие «цивилизационных интенций», с помощью которых исследовано содержание языкового цивилизационного горизонта. Выделены внешние (экстернальные) и внутренняя (рефлексивная) интенции. Выдвинута идея «миров-языков», соответствующих в горизонте языка традиционным локальным цивилизациям и являющихся их интенциональными объектами. Обнаружено, что взаимодействие «миров-языков» репрезентировано в естественных языках в форме заимствований. Содержание интенций концептуализировано в форме оппозиции «ксеноглоссов» и «метроглоссы» (заимствованного и исконного содержания – соответственно). Разработана классификация различных уровней языка, выявлено их взаимодействие на примерах уровней письменности, лексики и текстов.

Положения, выносимые на защиту

На основании проделанной работы на защиту выносятся следующие положения:

1. Идея цивилизации, история возникновения которой восходит к XVIII веку, во многом определяется господствующими «ключевыми метафорами», которые, в свою очередь, являются основой «некритически принимаемых парадигм», то есть префигураций. Таким образом, история цивилизационистики представляет собой «борьбу префигураций».

2. Идея цивилизации восходит к эпохе Просвещения. С самого начала эта идея была фундирована ключевыми метафорами «лестницы» (метафора времени – «хронография») и «карты» (метафора пространства – «топография»). Хронографическая презумпция является основанием концепта цивилизации как «вершины развития», цивилизации как преодоления «варварства» и «дикости».

Топография определяет концепт цивилизации как пространство и становится источником географического детерминизма. В конце эпохи появляется третья метафора, синтезирующая две первых, – метафора хронотопа. Цивилизация концептуализируется как феномен, ограниченный в пространстве и времени.

В XIX веке в цивилизационной теории господствуют префигурации, основанные на метафорах организма и механизма, соответственно, «органицизм» и «механицизм». Появившиеся к середине века и развиваемые следующие сто лет концепции «локальных цивилизаций», большей частью, имеют в основании органицистскую префигурацию.

3. В конце XIX – первой половине XX века после «лингвистического поворота» в философии и историософии закладываются основания новой префигурации, в рамках которой цивилизация (в том числе локальная) воспринимается как текст. Текстурализм, с одной стороны, является синтезом органицизма и механицизма. С другой стороны, текстурализм не сводится к последним, структурируя объекты познания на качественно иной основе. Утверждается, что текстуралистская префигурация, фундирующая современную историософию, позволяет решить проблемы существующей «цивилизационной теории», в частности эклектизм и редуционизм.

4. Предлагается ввести понятие «горизонта» локальной цивилизации. Традиционно многие «теории цивилизации» редуцируют этот феномен к одному из измерений. Эти измерения определяются как «горизонты». Текстурализм позволяет рассмотреть феномен локальной цивилизации как целостную совокупность горизонтов, составляющих своеобразную «ткань». Последняя не может быть редуцирована ни к одному из горизонтов.

Выдвигается теоретическое обоснование концепта «языкового горизонта», представляющего собой структурный элемент феномена локальных цивилизаций. Многие горизонты (политический, экономический, религиозный, географический и психологический) хорошо известны и описаны в рамках цивилизационистики. Предлагаемая идея языкового горизонта локальной цивилизации дополняет существующую теоретическую картину. Феномен локальных цивилизаций не сводится к языку, но тесно с ним связан.

Введена концепция «миров-языков», представляющих локальные цивилизации в горизонте языка. Миры-языки имеют свои уровни, среди которых рассмотрены уровни письменности, лексики и области текстов.

5. Каждый язык обладает направленностью на отдельный мир-язык. Это качество названо «цивилизационной интенциональностью». Интенциональность проявляется в заимствованиях, которые представляют собой репрезентацию престижного в данный исторический момент мира-языка. Интенциональность может быть направлена не только вовне, но и вовнутрь – заимствованному («ксеногlossам») противопоставляется исконное («метрогlossа»).

Цивилизационные взаимодействия проявляются в горизонте языка на разных его уровнях. Ксеногlossы – совокупность культурных заимствований, отраженных в языке, являются зафиксированной историей взаимодействия

миров-языков. Проведенное исследование позволило на основании анализа современного русского языка представить картины различных миров-языков. Последние – это относительные, а не абсолютные понятия.

Теоретическая и практическая значимость работы

Результаты исследования вносят определенный вклад в изучение феномена локальных цивилизаций, позволяя прояснить многие моменты генезиса цивилизационных теорий. С другой стороны, проведенные исследования углубляют знания в области строения, форм и различных измерений локальных цивилизаций. Новые методы, использованные в работе, позволяют обогатить инструментарий в области исследований локальных цивилизаций.

В новом свете представлены цивилизационные взаимодействия и, в частности, их влияние на формирование социокультурного пространства в современной России. Все эти моменты актуальны в контексте возрождения цивилизационной теории в нашей стране, что может быть использовано при разработке политических и культурных стратегий, в особенности, в области языковой политики.

Результаты диссертационной работы могут быть использованы при создании курсов философии, культурологии, истории, философской антропологии, социолингвистике и политологии.

Апробация результатов исследования

Результаты исследования были представлены и обсуждены на Международном социологическом форуме «Социокультурные проблемы развития регионов России в условиях кризиса» (г. Тюмень, 2009), на Всероссийской научно-практической конференции «Человеческий и профессиональный потенциал молодежи региона: тенденции и перспективы» (г. Тюмень, 2013), на I Международной научно-практической конференции «Селивановские чтения» (г. Тюмень, 2013), на Международной научно-практической конференции «Наука и образование в XXI веке» (г. Тамбов, 2013), на Всероссийской научно-практической конференции «Эстетическая антропология: фигуративный аспект» (г. Тюмень, 2013), на Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики» (г. Тюмень, 2014), на II Международной научно-практической конференции «Селивановские чтения» (г. Тюмень, 2014), на Международной научной конференции «Вызовы современности: философские и психологические проблемы» (г. Ереван, Армения, 2014), на VI Международной научной конференции «Мировоззренческие основания культуры современной России» (г. Тюмень, 2014), на III Международной научно-практической конференции «Селивановские чтения» (г. Тюмень, 2015), на VII Российском философском конгрессе «Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений» (г. Уфа, 2015), а также на круглых столах и конференциях регионального уровня.

Отдельные положения диссертации отражены в двух коллективных монографиях: «Язык и культура: от модерна к постмодерну» (2015) и «Культура и антикультура: теория и практика» (2015).

Основные результаты исследования отражены в 22 публикациях, указанных в перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора философских наук.

Структура и объем диссертации.

Работа состоит из введения, основной части, включающей четыре главы, заключения и библиографии. Диссертация изложена на 378 страницах, библиографический список включает 600 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** представлены актуальность темы исследования, степень научной разработанности проблемы, сформулированы объект и предмет, цели и задачи, теоретико-методологические предпосылки, научная новизна диссертационного исследования, положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость работы, апробация результатов исследования.

Первая глава **«Цивилизация: метафора и конструкт»** включает шесть параграфов.

В *первом параграфе* **«Проблема оппозиции культуры и цивилизации. Модусы культуры в философии Бахтина»** рассмотрено противопоставление культуры и цивилизации, которое является одним из фундаментальных положений отечественной философии культуры и философии истории. Эта антиномия фундирована презумпциями эссенциализма и органицизма. Первое подразумевает рассмотрение культуры как неизменной сущности, второе – как «живого тела». При этом подсистемы культуры понимаются как «органы».

Эссенциалистские и органицистские презумпции характерны для философии культуры Ф. Тённиса, О. Шпенглера, Н. А. Бердяева, в работах которых противопоставление культуры и цивилизации приобретает черты законченной теории. Позднее антиномия культуры и цивилизации приобретает форму своеобразного «канона» для отечественной мысли. При этом органицизм и эссенциализм продолжают фундировать эту антиномию. Это положение прослеживается в работах В. С. Степина, Ю. М. Федорова, Ф. И. Гиренка, А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко и др.

В параграфе формулируется тезис о возможности рассмотрения категории цивилизации в свете других презумпций, а именно, *текстуализма* и *конструктивизма*. В свете первого культура и цивилизация рассматриваются не как «тело», но как «текст». Конструктивизм же подразумевает понимание феноменов не как заданных сущностей, но как процессов. Сущность не задается, но производится – «конструируется». Предпосылки понимания культуры как «мира символов» присутствуют и в работах указанных классиков

философии культуры, в частности, у О. Шпенглера и Н. А. Бердяева. Но органицистский пафос в итоге подавляет здесь элементы возможного текстуализма.

На основании теории Э. Кассирера, который разделял «дискурсивные вселенные» символа и знака и традиционного представления о том, что культура есть «мир символов», цивилизация определена как «*вселенная знаков*». Предложено рассмотреть противопоставление культуры и цивилизации через призму семиологической и лингвистической оппозиции плана содержания и плана выражения. Культура, таким образом, представлена как содержательная категория, тогда как цивилизация – выразительная.

Также выявлено, что элемент технологизма имеет отношение к плану выражения. Цивилизация тесно связана с такой технологией как письмо. В итоге, цивилизация предварительно определяется как «знаковый комплекс *longue durée*, «большой нарратив», «текст текстов» («метатекст») самовоспроизводящий себя в границах общечеловеческой культуры».

В качестве примера «символической вселенной» приводится феномен смеховой культуры. Для последней характерна содержательность и универсализм, благодаря чему смеховая культура не может быть названа «смеховой цивилизацией».

Во втором параграфе «Критика цивилизационной теории. Цивилизация как образ» подвергнута анализу критика цивилизационистики и сформулирован тезис о том, что «цивилизационные теории» строятся на образной основе.

Различными исследователями выдвинуты положения, отражающие недостатки и противоречия цивилизационных концепций. Среди таких положений выделяются следующие: разнотипность *fundamenta divisionis* классификации, недооценка или игнорирование контактов различных цивилизаций, постулируемая ограниченность их развития, одновариантность «судьбы» различных цивилизаций и телеологичность построений «цивилизационистов». Несмотря на оправданность этих критических отзывов в работе утверждается неправомерность вывода о том, что цивилизационистика «не представляет научной ценности».

Предложено следующее положение, объясняющее существующие недостатки цивилизационных построений. Цивилизация представляет собой не только понятие, но и определенный *образ*, лежащий в его основании. Цивилизационная теория еще не сложилась ввиду того, что не выработано нормативного понятия цивилизации. Отсюда, «цивилизация» представляет собой понятие в состоянии становления. В таком случае, в условиях еще не сложившейся цивилизационной теории следует рассмотреть *цивилизационную картину* как совокупность образов, лежащих в основании становящейся теории.

Эти образные картины – априорны и метафоричны по своей природе. Использование категории «понятие» по отношению к «цивилизации» возможно, только если понимать «цивилизацию» как неоформленное,

незаконченное, «становящееся» (в шпенглеровском значении, как противоположность «ставшему»). Представляя собой конструкты, основанные на дорефлективных предпосылках, образы цивилизации крайне противоречивы и разнородны. Следует добавить, что отсутствие перехода образов цивилизации на уровень «нормальной науки», в терминологии Т. Куна, обуславливает их слабую корреляцию с эмпирическими данными. Цивилизационистика, очевидно, находится на допарадигмальном уровне развития, таком, в котором пребывала оптика до работ Ньютона.

С другой стороны, эта противоречивость может быть представлена как концептуальное разнообразие, позволяющее творчески генерировать все новые образы. Отсюда можно утверждать, что метод и поле исследования цивилизации все еще находятся в процессе формирования.

Классическая эпоха цивилизационной мысли (вторая половина XVIII – первая половина XX века) в бэконовской терминологии «догматична». Здесь безраздельно царит метафизика. Метафизика своим основанием имеет архетипический мир образов и символов. В середине XX века это архетипическое основание метафизики становится одним из фокусов исследовательского интереса философии. Среди них выделено три направления – психоанализ, герменевтика и аналитическая философия. В рамках первой выработаны понятия коллективного бессознательного и архетипа, в границах второго – понятие предпонимания (*Vorurteil*), в русле третьего – понятие префигурации.

Последнее понятие, введенное в оборот Х. Уайтом, определяется как «глубинное структурное содержание» объектов познания, имеющее поэтическую и языковую природу, служащее «некритически принимаемой парадигмой» исторического объяснения. Эта «парадигма» является «метаисторическим» элементом построений в области философии и истории. Методом изучения префигураций является тропология.

В третьем параграфе «Теория цивилизации: тропологический подход» представлены основания тропологического метода исследования цивилизаций. С позиций этого метода познание рассматривается как процесс, имеющий метафорическую природу. При этом метафора понимается не как литературный троп или фигура речи, а как принцип мышления и способ интериоризации чувственного опыта.

В параграфе кратко рассмотрена история тропологии. В классической философия метафора и аналогия трактуются негативно, они ведут к «ошибкам и заблуждениям». В первой половине XX века отношение к метафоре изменилось. А. А. Богданов, Х. Ортега-и-Гассет, Н. Элиас отмечают не только важную роль метафоры в познании, но и принципиальную метафоричность мышления. Х. Ортега-и-Гассет отмечает, что метафора – это «незаменимое орудие разума, форма научного мышления»².

---

² Ортега-и-Гассет Х. Две главные метафоры // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: Сб. / Пер. с исп. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – С. 464-467.

Идея о том, что процессы предструктур знания связаны с процессом метафоризации, наиболее активно разрабатываются в рамках аналитической философии, где сложилось шесть направлений изучения метафоры. Концепция метафоры, используемая в работе, опирается на шестой подход – концептуальную теорию метафоры. Согласно этому подходу метафора представляет собой демонстрацию состояний мышления, когда субъект проецирует одну концептуальную область на другую или смешивает понятия таким образом, что они воспринимаются как две различные концептуальные области. Согласно А. Н. Баранову, суть метафоризации состоит в том, что она базируется на взаимодействии двух структур знания. Первая – когнитивная структура – «источник». Другая – «цель». Метафоризация – это структурирование некоторых областей цели по образцу источника. Этот процесс носит название «метафорической проекции» или «когнитивного отображения». Проявление свойств источника в области цели называют «профилированием»³.

Одной из важнейших тропологических построений в рамках концептуализма стала теория метафоры, созданная лингвистами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном. Они утверждают, что «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей, метафорична»⁴. Метафора играет настолько огромную роль в познании, что исследователи признают ее одним из органов чувств. Два вывода Дж. Лакоффа и М. Джонсона имеют значение для анализа теории локальных цивилизаций. Во-первых, метафорические концепты структурируют деятельность. Во-вторых, метафорические концепты образуют системы. Метафоры могут создавать концептуальные поля. В итоге формулируется авторский вывод – теории цивилизации структурированы как системные концептуальные области на основе метафорических презумпций.

Тропологический метод получил развитие в аналитической философии истории. Исторические нарративы рассматриваются в этом случае в свете фундирующих их презумпций, имеющих метафорическую природу. Наиболее известна в аналитической традиции тропологическая концепция Х. Уайта. Предструктуры знания называются историком «префигурациями». Сам метаисторический метод назван «тропологией», то есть учением о тропах (риторических фигурах, используемых для передачи переносного значения). Тропология – это «теория преобразования (figuration) и дискурсивного построения сюжета»⁵. Х. Уайт рассматривает исторические нарративы через призму указанных тропов и «языковых протоколов». В историческом поле, которое конструирует отдельный историк, господствует одна из метафор.

---

³ Баранов А. Н. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 7-22.

⁴ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 25.

⁵ Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С.7-9.

В результате, автор диссертационного исследования делает вывод, что существует возможность рассмотрения идеи цивилизации с позиций фундирующих ее префигураций. Выдвинута гипотеза о том, что в идее «цивилизации», представляющей собой во многом до-теоретический конструкт, метафорическая проекция источника на целевой концепт исключительно сильна. В этом случае история «теории цивилизаций» оказывается историей борьбы ключевых метафор.

В четвертом параграфе **«Языковой горизонт в многомерном пространстве локальных цивилизаций»** разработана гипотеза многомерности феномена цивилизации и концепт цивилизационного горизонта. Выдвинута идея цивилизационного горизонта языка, представлено его теоретическое обоснование и генезис понятия.

В области цивилизационистики широко применяется редукционизм. Феномен локальной цивилизации сводится к одному из измерений, которое становится господствующим, а остальные измерения рассматриваются как производные. Генетически редукционизм связан с механицистской префигурацией. Именно в механике редукционизм является «нормой». Редукционистские концепции цивилизации создают видимость «простоты» этого явления. В разное время локальные цивилизации сводились к географии и ландшафту (напр., Х. Дж. Макиндер), религии (напр., Н. А. Бердяев и С. Хантингтон), политике (напр., Ш. Эйзенштадт), экономике (напр., Ф. Фукуяма и Э. Валлерстайн), биологическим особенностям (напр., Ж. Гобино), психологии и ментальности (напр., Л. Н. Гумилев), экологии (напр., Д. Даймонд), технологии (напр., Э. Тоффлер).

В качестве альтернативы редукционизму введен метод *«двумерной онтологии»*⁶, впервые сформулированный В. Франклом. Антропологическое единство несмотря на многообразие проявлений форм человеческого бытия выражается В. Франклом в формуле «единство вопреки многообразию». Ни монизм, ни плюрализм не позволяют понять этого единства и, одновременно, разнообразия. Мыслитель приводит геометрическую аналогию: цилиндр, спроецированный на плоскость, может предстать в виде прямоугольника и круга. При этом ни прямоугольник, ни круг не репрезентируют сложность цилиндра.

«Двумерная онтология» применима к феномену цивилизации в силу ее исключительной сложности или, в терминологии В. Франкла, многомерности. Несопоставимость различных цивилизационных теорий и их видимое противоречие часто может быть объяснено тем, что каждая из этих концепций описывает и объясняет только одну мерность из многих.

Геометрической категории «мерность» соответствует философская категория *«горизонта»*. Категория горизонта, впервые встречаемая у Ф. Ницше, играет большое значение в философии Э. Гуссерля и Х. Г. Гадамера. Концепт горизонта, сам будучи метафорическим, переносит в область концепта

---

⁶ От лат. *dimensio* «измерение».

«цивилизация» такие качества как целостность, наличие границы и, одновременно, условность этой границы (что позволяет говорить о «горизонтах»).

С позиций «дименсиональной онтологии» «классические» «теории локальных цивилизаций» представляли собой попытку построения *синтеза горизонтов*. «Классические» мыслители «теории», отрицая универсализм эволюционизма и диффузионизма, пытаются выстроить синтез не на основании идеи прогресса или распространения культуры, а на основании автономности последних. Г. Рюккерт, Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, К. Куигли, Ф. Бродель представили свои варианты синтеза. Современная же цивилизационистика, как было указано, имеет тенденцию к редуccionизму.

Эклектика и смешение *fundamenta divisionis* в работах классиков «цивилизационной теории» является следствием этой стратегии синтеза горизонтов. Но это не означает, что стремление к синтезу безуспешно по определению. Эти недостатки имеют своей причиной противоречие интенции к синтезу с существующими эссенциалистскими и органицистскими префигурациями. Такой синтез возможен в условиях *текстуализма*, когда горизонты не подавляют друг друга в эклектике, но сосуществуют как нити «ткани» или «сети».

С другой стороны, синтез в границах текстуализма не может быть успешным при забвении одного из важнейших горизонтов – *горизонта языка*. Этот горизонт в работах классиков теории присутствует имплицитно. Но даже если он эксплицирован (напр. у Н. Я. Данилевского), органицистские префигурации не позволяют выявить его подлинную важность. В итоге, горизонт языка никогда не рассматривался наравне с горизонтами религии, политики, психологии, экономики, географии.

Важность языка как элемента культуры осознается только в Новое время. Язык долгое время считался не более чем «контейнером» мысли и не удостоивался внимания философов. Но в XIX веке в связи со стремительным развитием новой дисциплины – лингвистики, растет и интерес к языку. Прорывом в языкознании стала лингвистическая компаративистика, но «копернианский переворот» в этой дисциплине совершает Ф. де Соссюр, ставший родоначальником структурализма. Прямым продолжением соссюровских штудий является деятельность Копенгагенской языковой школы и Пражского кружка. К. Леви-Стросс экстраполирует методы структурной лингвистики в область антропологии. Несмотря на тенденцию к рассмотрению языка как «автономной реальности» структуралисты утверждают экстралингвистическую основу языка, его «трансцендентность». Благодаря этому возможно исследование культурных и исторических феноменов.

«Лингвистический поворот» становится характерной чертой западной мысли первой половины XX века. С ним связано возникновение аналитической философии. Он фундирует развитие феноменологии (М. Хайдеггер), неокантианства (Э. Кассирер), психоанализа (К. Г. Юнг). В философии язык проблематизируется и тематизируется, становясь одним из главных вопросов

мысли. Теперь органическая метафора, господствующая в гуманитарных науках предыдущего века (например, у младограмматиков), уже не способна адекватно описать структуру, сущность и функции языка.

Языковое измерение культуры и цивилизации долгое время оставалось периферийным в философии культуры и философии истории. Органицистские построения недооценивают его значение, механицистские построения оставляют его за пределами своих редукций. Но благодаря «языковому повороту» цивилизационные концепты второй половины XX века уделяет языку более достойное внимание. Например, один из наиболее известных теоретиков цивилизационистики последнего времени С. Хантингтон заявляет, что феномен цивилизации сводится к взаимодействию двух горизонтов – языка и религии. Но и для С. Хантингтона язык все-же вторичен по отношению к религии, как основному горизонту цивилизации.

Горизонт языка не стал равным горизонтам политики, религии и экономики в силу приверженности авторов классических «цивилизационных теорий» органицистской префигурации. Эта презумпция позволяет видеть язык только как орган целого. А. Тойнби, демонстрируя это положение, указывает идентичность «языка», как системы знаков и «языка», как части тела. Язык важен, но не существенен.

В работе утверждается актуальность *горизонта языка*. Эпоха постмодерна часто характеризуется как эпоха «постэкономики», «постполитики», «заката религии», но нет и речи о «постязыке». Язык является одним из наиболее поздних открытий философии, эпоха «языкового поворота» отнюдь не закончена.

Построение «лингвистической» версии цивилизации возможно только при изменении ключевой метафоры. Таковой станет текст. В границах текстуалистской префигурации языковой горизонт не просто становится одним из важнейших. Он становится тотальным. Эта тотальность становится возможна не в силу редукции к языку, а вследствие дегенерации остальных горизонтов. Постмодерн упраздняет все, кроме языка.

В выводах по первой главе резюмируются теоретико-методологические основания диссертации.

Вторая глава **«Зарождение идеи цивилизации в эпоху Просвещения: метафоры пространства и времени»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Цивилизация как хронография» обоснована связь возникновения идеи цивилизации с представлениями о времени, господствовавшими в эпоху Просвещения. Репрезентированы характерные черты хронографической эпистемы, краткая история зарождения и развития категории «цивилизация» в эту эпоху.

Категория «цивилизация» возникает в эпоху рождения современного исторического сознания – «историзма». Необходимость обобщения исторического знания порождает потребность в эпистеме, содержащей в себе возможности одновременно универсализации и дифференциации, синтеза и

анализа. Концепт «цивилизация» стал одним из моментов этой энциклопедической генерализации.

Категория цивилизации возникает в рамках *эпистемы*, признающей первичность времени. Эта эпистема названа цивилизационной *хронографией*. Хронографическому подходу принадлежит *аксиологическая* трактовка феномена цивилизации, выраженный в панморализме. Цивилизация, понимаемая как уровень развития ценностей, нравственности и блага, описывается *телеологически*. Аксиологическая цивилизационная телеология усматривает «прогресс» не на техническом, а на моральном и рациональном уровне. Целевой причиной, чаще всего, объявляется настоящее, которое видится «концом истории» у большинства авторов «цивилизационной теории» эпохи модерна. Подобную мировоззренческую установку уместно было бы назвать *презентизмом*, в противоположность *антикваризму* Средневековья и Возрождения. История привлекает не как исследование прошлого, а как изучение состояний, предшествующих настоящему. Аксиология превращается в историю, ценности трансформируются во время.

Характерной чертой модернистской историографии, берущей начало в эпоху Просвещения, является *экслюзия*, выведение исследуемого субъекта за пределы времени. Вневременной характер положения историка цивилизации и порождает абсолютизацию своей системы ценностей, рациональности и методов познания. Историк существует за пределами времени в некоем подобии «вечности», вынося за «скобки» свои собственные культурные предпосылки и «предрассудки».

История была необходима исследователю для завершения процедуры *дескрипции*, описания мира. *Завершенность* видится как когнитивный идеал познания в эпоху модерна. Именно история позволяет вознести аксиологические установки познающего на вершину пирамиды эволюции и прогресса. Прогресс истории считается близким к завершению.

В рамках хронографического подхода локальные культуры интерпретируются *темпорально*. Все не-западное рассматривается как до-западное, то есть, как стадии становления абсолютного исторического инварианта. Эту тенденцию можно назвать *экслюзией не-западных культур*. Процедура экслюзии является необходимым условием выстраивания прогрессистских схем, выражением которой стал трином «*дикость-варварство-цивилизация*». Указанный трином представляет собой квинтэссенцию историософии Просвещения, демонстрируя не только периодизацию, но и особую философию и идиологему.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что линейно-прогрессистская модель Просветителей выстраивает историю в образе *лестницы*. Ж. де Местр пишет о том, что Ф. Бэкон, наряду с борьбой с «идолами» познания, создает новый – «идол лестницы», «химическое представление о действующих во вселенной силах». Историософский концепт цивилизации в метафоре «идола лестницы» играет роль ее высших ступеней.

История концепта цивилизации представлена в рамках развития трех основных историософских школ Просвещения: французской, британской и немецкой. Термин «цивилизация» возникает и распространяется в русле французской историософии. Установлено, что термин «цивилизация» впервые встречается не у В. Д. де Мирабо (как общепризнано), а в работе Ж. Тюрго. Большой вклад в разработку хронографической эпистемы «цивилизационной теории» внесли Вольтер, Н. А. Буланже, Ж. Кондорсе. Британский вариант цивилизационистики, представленный именами А. Фергюсона, Д. Данбара, Э. Гиббона, имеет общие черты с французской. Это позволяет выделить франко-британский вариант цивилизационистики. Хронографическая эпистема находит законченное оформление в рамках немецкой историософии (И. Кант, Г. Форстер).

Во втором параграфе «**Цивилизация как топография**» выявлен генезис историософской эпистемы, в рамках которой цивилизация рассматривается в терминах *пространства*.

Господство хронографии в историософии Просвещения не могло не спровоцировать контрдвижения. Утверждение приоритета времени порождает тенденцию к рассмотрению истории в терминах пространства. В этих условиях появляется концепция картографирования истории. *Топография* противопоставляется хронографии. Цивилизация сквозь призму *метафоры карты* начинает пониматься как пространственная сущность.

Предшественником новой, топографической, цивилизационной эпистемы является Ж.-Ж. Руссо. Его историософия «отменяет время» и, реабилитируя уникальность и плюрализм «диких народов», утверждает субстанциональную роль пространства. Руссоизм переворачивает презумпции Просвещения: прогресс из позитивного понятия становится негативным, евроцентризм понимается как аберрация, собственность – как отчуждение и причина рабства. Цивилизация оценивается негативно, а «дикость» – позитивно. Ж.-Ж. Руссо стал создателем *цивилизационного пессимизма*.

В построениях Ш. Монтескье, «Меркатора историософии Просвещения», отмечается нехарактерные для эпохи элементы «полифакторного подхода» к изучению социально-культурных систем (хотя эти «факторы» и были связаны эклектично). Среди этих «факторов» доктрины климатического и географического детерминизма представлены наиболее отчетливо. В историософии Ш. Монтескье происходит переход истории в географию с устойчивым доминированием второй. Иерархическая вертикаль времени переходит в иерархию пространства. Пространство едино, его иерархия простирается от «цивилизованного» центра к «дикой» периферии.

Топографическая модель цивилизации возникает из эклектического смешения историософских презумпций Просвещения – узкого рационализма, финитизма, телеологизма, евроцентризма, прогрессизма и презентизма с одной стороны, и оригинальных идей плюральности субъектов истории и взаимосвязи их со средой – с другой. Прогресс здесь становится обусловленным, а не абсолютным. Метафора *лестницы прогресса* сменяется метафорой *карты*.

В третьем параграфе «**Цивилизация как хронотопография**» представлены основания синтеза хроно- и топографической эпистем Просвещения в новый продукт исторического воображения – в эпистему *хронотопографии*.

Хронотопографическая эпистема возникает на основе идеи *циклизма*, обладающей богатой историей. На основании этой модели Дж. Вико осуществляет синтез новой префигурации, где появляется несколько субъектов истории (вместо одного в схоластической философии истории и историософии Просвещения), каждый из которых обладает своими временными и пространственными границами. Этот феномен в XX веке будет назван *хронотопом*. «Нации» являются субъектами, а не объектами истории. История приобретает качество локальности, так как происхождение культуры народов несводимо к заимствованию или единому источнику. *Пересечения времени и места* становятся основными координатами новой историософии, ядром ее метафизики. При этом, хронотоп Дж. Вико не свободен от презумпций своего времени. Тем не менее, историософия Дж. Вико есть эклектичная и непоследовательная попытка *релятивизации* «догматов» Просвещения.

Большую роль в становлении хронотопографии играет возникновение герменевтики, основателем которой является немецкий профессор церковной истории И. М. Хладениус. Он совершает переход от *описания* (дескрипции) исторической «данности» к ее *пониманию*. И. Хладениус предупреждает об опасности *универсализации*, выдвигая «всеобщих предложений» (*allgemeiner Satz*) без достаточных оснований, когда на «основании совокупности отдельных вещей и их качеств» делают заключение о «всем виде». И. Хладениус задает предпосылки обнаружения влияния исторической и культурной среды на позицию историка.

В философии романтизма понятие нации теряет черты рациональной или эмпирической абстракции, характерной для мысли Просвещения, приобретая черты *витальности*. Культ романтического индивидуализма распространяется на понятия народа и нации. И. Г. Гердер подготавливает «закат» историософии Просвещения. С позиций относительности «точки зрения» наблюдателя И. Г. Гердер критикует одностороннюю телеологию, финитизм, линейный прогрессизм и панморализм Просвещения. Жесткому иерархизму хронографической модели Просвещения противопоставляется плюралистическая модель, представляющая картину взаимодействия многих народов, по отношению к каждому из которых культура одинаково трансцендентна. В историософии И. Г. Гердера временное измерение развития культуры дополняется пространственным измерением взаимодействия народов.

Доктрина И. Г. Гердера утверждает и закрепляет положения принципиально новой модели истории. Ее важнейшими элементами являются: сочетание провиденциалистского универсализма культуры и цивилизационного («народного») *плюрализма*; *инклюзия* в исторический процесс всех народов, вместо исторической эксклюзии историософией Просвещения «дикарей» и «варваров»; *космоцентризм* – вместо узкого евроцентризма и национализма;

понимание «народа» не только как феномен времени или пространства, но как пространства-времени или *хронотопа*. Все эти моменты позволяют назвать И. Г. Гердера, по аналогии с Геродотом, «отцом» «цивилизационной теории».

Историософия Дж. Вико и И. Г. Гердера становится основанием господствующего в XIX веке представления о цивилизации как организме. Префигурация хронотопа является наследницей Просвещения и, одновременно, основанием историософии XIX века.

В выводах по второй главе изложена роль категории цивилизации в историософии Просвещения, описаны важнейшие характеристики хроно- и топографической эпистем и генезис понимания цивилизации как хронотопа.

Третья глава **«Классическая и неклассическая цивилизационистика: метафоры организма, механизма и текста»** состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Цивилизация: метафора организма» представлен генезис категории «локальная цивилизация» и ее связь с органицистской префигурацией.

Представление об обществе как организме восходят к временам Античности, получая развитие в эпоху Средневековья и Возрождения. Метафора организма встречается в работах мыслителей Просвещения. Но в XVIII веке образы машины и организма еще недостаточно дифференцированы. Ю. И. Семенов отмечает, что широкое распространение термин «организм» по отношению к обществу используется только с начала 40-х годов XIX в. Основоположник позитивизма О. Конт сочетал в своей доктрине органицистскую и механицистскую презумпции. Наибольшее развитие органицистская метафора получает в работах Г. Спенсера, считающегося основателем органицизма в социальных науках. На основании органицистской префигурации построена цивилизационная модель Ж. А. де Гобино. Французский мыслитель выстраивает свою теорию в биологическом горизонте – на основании расизма. Оба позитивистских направления органицизма – биологически-эволюционное и биологически-расистское, тесно связаны с развитием биологии в середине XIX века.

Органицистская префигурация характерна также для идеалистической и консервативной историософии (Л. Г. де Бональд, Ж. де Местр). Консервативной является историософия Г. В. Ф. Гегеля, который также склоняется к органицистской префигурации в исследовании культуры. Действующим лицом истории у философа являются не цивилизации, а «всемирно-исторические народы», сменяющие друг друга в процессе мировой истории. Последние понимаются как «организмы».

Первый текст «цивилизационной теории» – «Учебник мировой истории в органическом изложении» (1857) Г. Рюккерта, выстроен в русле органицизма, как и работа его наследника – Н. Я. Данилевского. Последний репрезентирует нормативную для отечественной философии и истории форму «теории локальных цивилизаций». Органицизм принимает здесь абсолютную форму. В отличие от европейских мыслителей, Н. Я. Данилевский подразумевает под организмом не человеческое тело, а растение. Построения К. Н. Леонтьева

также выдержаны в русле органицизма. Сравнивая «культурные и государственные организмы» и «явления органической жизни», философ делает вывод – и первые, и вторые подчиняются одним и тем же принципам.

Органицистская префигурация также лежит в основании «классической» цивилизационной доктрины О. Шпенглера. Цивилизация, по О. Шпенглеру, – это превращение органического начала культуры в неорганическое. В истории становление господствует над ставшим, цивилизация же – это ставшее, мертвое и механическое. А. Тойнби впервые обращается к анализу метафор, лежащих в основании своей стратегии познания. Несмотря на критику органической метафоры историк неосознанно продолжает следовать органицистской префигурации.

Определено, что отечественная историософия (не только цивилиционистика), имеет тенденцию к построениям на основе органицистской префигурации – от русской религиозной философии XIX века до современной российской философии истории и культуры. Примечательно, что она характерна как для сторонников «цивилизационного подхода» (напр. Л. Н. Гумилев), так и для его противников (напр. Ю. И. Семенов).

Установлено, что органицизм использует, преимущественно, *гомологические метафоры*, сопоставляя сущностные характеристики культур и обществ. Органицизм, с одной стороны, *холистичен*, с другой – признает существование множества организмов с разной, но сопоставимой структурой, что позволяет производить компаративистские штудии. Социальные и культурные единицы – «сущности», а не процессы: органицизм представляет собой разновидность *эссенциализма*. Неотвратимость развития организма порождает идею *судьбы*. Историк-органицист ищет принципы, раскрывающие судьбу конкретного организма. Возникает тяготение к *телеологии и абстрактности*. Благодаря этим качествам органицистская префигурация толерантна к религиозным интерпретациям.

Мыслители-органицисты подчеркивают важность *среды* для формирования и развития социального организма. Выделяются, прежде всего, природные факторы влияния. Если последние важны для развития «цивилизационных организмов», то культурное влияние одной цивилизации на другую признается либо невозможным, либо ограниченным.

Во втором параграфе «Цивилизация: метафора механизма» рассмотрено происхождение и существенные признаки механицистской префигурации.

Механицизм как мировоззрение появляется в эпоху Классической Европы (в терминологии П. Шоню) во второй четверти XVII века. Характерными чертами этой эпохи является то, что научные представления сводятся к механике и геометрии. В историософии же влияние механицизма наиболее ощутимо в XIX веке.

Ярче всего механицистский вариант историософии проявляется в работах представителей утопического социализма. Экономический детерминизм и сциентизм, свойственный утопическому социализму,

подразумевает механистический образ развития. А. Сен-Симон выстраивает линейную прогрессистскую модель истории, которая в отличие от органицизма не подразумевает «старости» цивилизации. На последней стадии развития цивилизация превращается в «механизм», способный к бесконечному самосовершенствованию на основе разума и науки. Английский утопист Р. Оуэн полагал, что человек, представляет собой «сложную живую машину, объединение механических и химических элементов»⁷. Ш. Фурье выстраивает проект социальной физики, которая подчиняется тем же законам механики, что и неорганический мир.

Механицистская префигурация имеет продолжение в работах мыслителей позитивистской школы. О. Конт создает сциентистскую утопию, развивая тенденции к футуристскому, линейному, универсалистскому истолкованию истории. Знаменитый «закон трех стадий» обосновывает механическую неизбежность рождения «позитивной» стадии развития или «позитивной цивилизации». И. Тэн полагал, что цивилизация – высшая функция общества. Четыре главные эпохи истории, выделяемые И. Тэном и называемые «цивилизациями», описываются в ортодоксальном позитивистском духе. Позитивистский образ цивилизации находит продолжение в работах Д. С. Милля. На основании своей «социальной механики» Д. С. Милль создает учение о цивилизации. Прогресс цивилизации, согласно законам механики, состоит из закона притяжения и закона отталкивания. Г. Т. Бокль также выстраивает образ цивилизации на позитивистских основаниях. Он оптимистически заявляет, что «если бы мы знали все предшествующие причины и законы их изменений, то могли бы с полной достоверностью предсказать все их последствия»⁸. Требование механистического единообразия ведет у Г. Т. Бокля к выстраиванию различных культур в прогрессистскую лестницу, на вершине которой оказывается, конечно же, Британия.

Во второй половине XX века механицизм претерпевает определенную метаморфозу. Ранее идеалом механизма представлялись *часы*, теперь ключевой метафорой становится *компьютер*. Префигурация, в границах которой анализ общества и цивилизации осуществляется на основе метафоры компьютера, сохраняет свою сциентистскую ориентацию и технологический детерминизм. Теорией, основанной на основе новой ключевой метафоры, выступает идея постиндустриальной цивилизации. В концепции «третьей волны» Э. Тоффлера символом становится компьютер, создающий новую инфосферу, преобразующую весь мир. М. Маклюэн рисует постиндустриальное общество как гигантскую нейронную сеть, предвосхищая появление Интернета.

В итоге констатируется, что механицистская префигурация наследует многие черты хронографического подхода XVIII века. И первое, и последнее имеют тенденцию к *линейности, прогрессизму, дескриптивности,*

---

⁷ Педагогические идеи Роберта Оуэна. Избранные отрывки из сочинений Р. Оуэна / Пер. с англ. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1940. –С. 226.

⁸ Бокль Г.Т. История цивилизации в Англии в двух томах / Пер. с англ. – СПб.: Типография Ю. Н. Эрлих, 1895. – С. 8.

евроцентристскому универсализму. Однако в рамках механицистского подхода появляются и новые черты. Среди этих черт наиболее характерны *сциентистская ориентация*, стремление к выведению *универсальных законов*, *редукционизм*, *механистический детерминизм*, *принцип взаимозаменяемости элементов культуры*, *тенденция к унификации*. Последнее предполагает положение о том, что все общества и культуры имеют принципиально единую природу, отличаясь друг от друга только уровнем прогресса.

Если органицизм склонен гомологически объяснять исторические процессы, то механистическое мировоззрение имеет тенденцию к *аналогиям*. Доминирование функциональности ведет к идее *универсализма*, так как функции различных социальных машин сопоставляются с определенным идеалом. Это приводит к построению своеобразной функциональной лестницы – идее прогресса. Компаративистика в механицизме и аналогическом подходе играет второстепенную роль.

Характерной чертой механицизма является либо постулирование *натуралистического детерминизма* – предопределенности строения и сущности цивилизации от природной среды, либо идея полной независимости механизма от среды. Примером первого случая могут быть «физические деятели», предопределяющие характер цивилизации у Т. Бокля: климат, пища, почва, «общий вид природы». Во втором случае *primum mobile* прогресса является разум. Значение же влияния культурной среды механицистами либо не замечается, либо отвергается, либо недооценивается. Поэтому цивилизационный «механизм» полагается универсальным, общечеловеческим, и, раз возникнув, подходящим любому месту и времени.

В механицизме преобладает внимание к *фактам*, а не сущностям. Отсюда сильная тенденция к сциентизму, доходящая, как в случае А. Сен-Симона, до обожествления науки и техники. Цивилизация, являясь «фактом», изучается методами, аналогичными методам естественных наук.

В *третьем параграфе «Цивилизация: метафора текста»* вводится понятие текстуализма – префигурации, возникновение которой связано с феноменом «лингвистического поворота» в философии.

Латинское слово *textus* имело первым значением «*ткань*», лишь затем производными значениями стали «соединение», «строение». Ткань образуют соединения нитей, то есть связи. Ткань не имеет эссенции, сущности, субстанции (т.е. основы). Нити-связи образуют ее природу. Поэтому методы исследования «*ткани текста*»⁹, преимущественно, структуралистские и конструкционистские.

В рамках «*лингвистического поворота*» представление о мире и культуре как тексте становится одной из господствующих идей в философии второй половины XX века. В аналитической философии после выхода «*Философских исследований*» (1953) Л. Витгенштейна обостряется интерес к обыденному языку. Вопросы обыденного языка занимают центральное положение в

---

⁹ Что есть тавтология.

философии Дж. Остина и Г. Райла. Текстуализм фундирует историософские построения Х. Уайта. Текст является одним из важнейших понятий герменевтики, которая изучает его имманентно, понимая текст как самостоятельную реальность (Х.-Г. Гадамер, П. Рикер). Синтез горизонтов культуры в текстуалистском ключе совершается в структурализме. К. Леви-Стросс предлагает изучать систему родства с помощью методов фонологии. Ученый отмечает, что внутренние связи культуры структурированы как язык и текст, что и позволяет задействовать при их изучении методы лингвистики.

Требование объективности, свойственное структурализму, исчезает в трудах теоретиков постструктурализма. Они сосредотачивают внимание не на внутренних взаимосвязях культуры, устроенной как язык (что характерно для структурализма), а на связи социокультурных текстов между собой. Постструктурализм выражается в форме *пантекстуализма*. Ж. Деррида заявляет: «Внетекстовой реальности вообще не существует»¹⁰. В рамках текстуализма развивают свои концепции М. Фуко, Р. Барт, К. Гирц. А. Р. Усманова заявляет три важнейших тезиса постструктурализма: текст представляет собой *сеть*, которая генерирует значения «без цели и без центра»; отрицание «мифа о филиации»; признание множественности смыслов текста, его открытости и незавершенности¹¹.

Текстуализм формируется также в рамках институализации семиотики. У. Эко определяет текст как «целый комплекс различных сообщений, зашифрованных различными кодами и функционирующих на различных уровнях означивания (signification)»¹². Культурные тексты рассматриваются как структуры, то есть модели, построенные посредством упрощающих операций, и «которые позволяют рассматривать явление с одной-единственной точки зрения». Наиболее известным явлением текстуализма в отечественной мысли является деятельность Московско-Тартуской семиотической школы (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, А. М. Пятигорский, Вяч. Вс. Иванов, Б. А. Успенский). В рамках этого направления текст понимался как дважды закодированная система. Первичное кодирование – это «высказывание на каком-либо одном языке». Затем следует «его превращение в ритуализованную формулу», закодированную и каким-либо вторичным языком, т. е. в текст. В свете сказанного, можно отождествить цивилизацию с кодированной системой второго порядка.

Конкуренцию текстуализму в XX веке составил *интеракционизм*, в котором культура воспринималась в терминах *игры*. Самым известным сторонником этой эпистемы был Й. Хейзинга. *Цивилизационный интеракционизм* был выдвинут Н. Элиасом, который рассматривал цивилизации как подвижные «*фигурации*». Во многих положениях текстуализм и интеракционизм совпадают.

¹⁰ Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. – М.: Ad Marginem, 2000. – С.313.

¹¹ Усманова А. Р. Текст // Всемирная энциклопедия: Философия XX век / Гл. науч. ред. А. А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – С.767.

¹² Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. – СПб: Симпозиум, 2005. – С. 16.

В философии культуры и философии истории текстуализм появляется еще в XIX веке. Одним из первых и наиболее заметных представителей этой эпистемы был Я. Буркхардт. Историк текстуализирует (в первичном значении) «силы» исторического процесса, сплетая их, наподобие нитей, друг с другом. Текстуалистская префигурация отчетливо выражена в работах выдающегося антрополога А. Кребера, рассматривавшего культуру как сочетание горизонтов, представленных, преимущественно, дескриптивно. Этот синтез был назван «конфигурациями культурного роста». Основатели школы «Анналов» Л. Февр и М. Блок создают проект целостной историографии с целью синтеза культурных горизонтов. Но первое поколение школы лишь опосредованно находится под влиянием текстуалистской префигурации.

Текстуалистская префигурация получает значение в деятельности историков второго поколения Школы, концепции которых выстроены в русле структурализма. Наиболее известный представитель второго поколения Ф. Бродель подчеркивает многомерность феномена цивилизации, которая есть совокупность структур и их сложное взаимодействие. Структуры образуют «нити», составляющие «ткань» цивилизации (напр. «Грамматика цивилизации» (1993)). Текстуалистское понимание исторического поля демонстрирует Ж. Ле Гофф. Цивилизация, представляющая собой хронотоп, с пространственными и временными границами, выражена в форме структур воображаемого, образа, символа, которые должны быть постигнуты в «священном тексте» (*Sacra pagina*). Историки второго поколения ближе всех приблизились к текстуалистской цивилизационистике. Но эти презумпции не получили развития.

Третье поколение школы «Анналов» придерживается постструктуралистских взглядов, отказываясь от изучения «метанарративов» и, следовательно, цивилизаций и социальных сверхструктур. Но и здесь историософия основана на текстуализме. «Новая история» (третье поколение) также концентрирует внимание на связях.

В итоге резюмируется, что характерными особенностями текстуализма являются сосредоточение на *контексте*, исследование «реальных отношений в конкретном времени-месте» (Х. Уайт), понимание цивилизации как *процесса* и *системы связей*, а не статичной сущности.

В четвертом параграфе «**Миры-языки как цивилизационные тексты**» вводится и концептуализируется идея «миров-языков».

Цивилизация, понимаемая как текст, имеет смысл в том случае, если она полагается локальной, а не универсальной. Это подразумевает наличие не одного, не бесчисленного, но определенного количества текстов. Наличие определенного множества подразумевает присутствие границ и предпочтение одних текстов другим. Все это попадает в область постструктуралистской критики. Здесь, казалось бы, становится невозможной мысль о цивилизациях, так как они рассматриваются как реликты «логоцентрической эпохи». Но деконструкция «метанарративов» осуществляется языковыми средствами. Язык сам становится скрытым, *глубинным «большим рассказом»* постмодерна.

С текстуалистской позиции *локальная цивилизация* – это самовоспроизводящийся знаковый комплекс *longue durée* и *grande étendue* (большой протяженности), связывающий отдельные культуры и общества в относительное смысловое единство. Подобное единство подразумевает наличие многих смысловых горизонтов, одним из которых будет языковой.

Одну из первых попыток классификации локальных цивилизаций в горизонте языка предпринимает К. Леви-Стросс. Он связывает классификацию языков с системами родства. Ученый предлагает выделить следующие ареалы: индоевропейский, тибето-китайский, африканский, океанический, североамериканский. К. Леви-Стросс демонстрирует возможность классификации цивилизаций на основе естественного языка.

Построения К. Леви-Стросса противоречат позициям постструктуралистов с их «недоверием к метанарративам». Но можно предположить, что метанарративы не только подвергаются деконструкции, но становятся «вторичными», превращаясь из фигуры в фон. Одновременно метанарративы изменяют и соотношение своих горизонтов. Господство географического, технического, религиозного и даже экономического горизонтов сменяется имплицитной тотальностью языка. В сравнении с этой тотальностью остальные горизонты действительно становятся «региональными рассказами». Язык как универсальная среда опыта стоит за языковыми играми, фундамирующими социокультурные процессы эпохи постмодерна.

Идея *энкратичности* языка Р. Барта подразумевает возможность существования «больших рассказов», которые отнюдь не разрушаются. М. Фуко конфигурирует историческое поле как совокупность метанарративов (*эпистем*), обладающих внутренней логикой и структурой. История разворачивается как драма «больших рассказов», моментом которой является современность. Б. Андерсон, описывая историю возникновения наций, одной из основ до-модерных обществ (наряду с религией и династическим государством) называет «*священный язык*». «Все великие сообщества классической древности воспринимали себя как центр мира, посредством священного языка связанный с небесным порядком власти»¹³. Границы этих «*языков-истин*» (латынь, санскрит, вэньянь и др.) совпадают с границами цивилизаций у классиков «цивилизационной теории».

Потеря сакрального статуса отнюдь не означает потери влияния языка. Но энкратичность «старых языков» в эпоху расцвета языков национальных приобретает неявный характер. Например, относительно французского языка, можно утверждать, что латынь – «постоянный источник заимствований книжной лексики на протяжении всей истории французского языка. Заимствуются церковные, юридические, научные термины»¹⁴.

¹³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – С. 36-37.

¹⁴ Реферовская Е. А., Бокадорова Н. Ю., Гулыга О. А., Чельшева И. И. Французский язык // Языки мира: Романские языки. – М.: Academia, 2001. – С. 241.

Среди множества существующих сегодня национальных языков можно выделить несколько ареалов, каждый из которых является областью влияния одного из древних «сакральных языков», являющихся источниками современных национальных языков. В эпоху постмодерна энкратичность прежних «сакральных» языков переходит на новый уровень – они становятся языками с наивысшей властью. Несмотря на заявляемое равенство языков и провозглашаемое разрушение их иерархии, господствующими в самой постмодернистской среде продолжают оставаться наследники «священных» языков древности, напр. английский и китайский.

Цивилизации постмодерна – это метанарративы, фундируемые не религией, политикой или экономикой, а языком. В этом отношении они могут рассматриваться как «большие рассказы», тексты, в терминологии Ф. Броделя, «большой длительности». Современная историософия имеет тенденцию к смещению акцента исследования с сущностей на взаимодействие, от центра к границам. Но это взаимодействие не только микро-, но и макронарративов, которые, согласно логике постмодерна, остались в тени. Подобно «мирам-экономикам» Ф. Броделя можно выделить «миры-языки» – цивилизационные системы, рассматриваемые в горизонте языка. Миры-языки являются элементом тотальности цивилизационного текста, связанным с другими горизонтами – политическим, экономическим, религиозным, географическим, демографическим и т.д.

В выводах по третьей главе представлены существенные признаки органицистской, механицистской и текстуалистской префигураций, изложена роль языка в эпоху постмодерна и основания генезиса миров-языков.

Четвертая глава «**Цивилизационные интенции в горизонте языка**» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «**Идея цивилизационной интенциональности**» представлена история понятия интенциональность, сформулировано понятие «цивилизационных интенций», с помощью которых исследовано содержание языкового цивилизационного горизонта. Выделены внешние и внутренняя цивилизационные интенции, уровни естественного языка.

Понятие *интенции* впервые было сформулировано в схоластической теологии и философии. В Новое время идея интенциональности возрождается австрийским психологом и философом Ф. Brentano. Эта категория у австрийского философа подчеркивает *процессуальность* связи объекта и субъекта. Э. Гуссерль определяет интенциональность, как то, «что характеризует сознание в отчетливом смысле, то, что оправдывает характеристику всего потока переживания в целом как потока сознания и как единства одного сознания»¹⁵. М. Мерло-Понти отмечает, что историю нужно понимать не из одного измерения, а «разом через все», так как «все имеет смысл, за всеми отношениями мы находим одну и ту же структуру бытия»¹⁶.

¹⁵ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. – М.: Академический Проект, 2009. – С. 262

¹⁶ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – С.18-19.

Окончательная релятивизация феноменологического дискурса осуществляется в рамках постструктурализма. Ж. Л. Нанси выдвигает формулу: «никакой идентичности, всегда идентификации»¹⁷.

В рамках американской аналитической традиции складывается другой подход к проблеме. Дж. Серл строит репрезентативную теорию интенциональности. Идея интенциональности связывается с языком. Американская аналитическая традиция обращает интенциональность к идеалу «возврата эмпиричности» Ф. Brentano. Ценой этого обретения становится отказ от феноменологической редукции и возвращение естественной установки.

Понятие интенции может быть применено для анализа содержания цивилизационных горизонтов, при этом анализ содержания может быть выполнен не только качественно, но и количественно. Утверждается возможность *цивилизационной интенциональности*. Представлены положения, которые выступили основой метода исследования цивилизационных интенций. Здесь субъектом выступает не индивид, а определенный коллектив. Идею коллективной интенциональности впервые выдвигает Дж. Серл. Утверждается, что цивилизация является *институциональной макросистемой*, состоящей из взаимосвязи, переплетения (*textus*) отдельных институций, которые названы горизонтами. Каждый горизонт имеет специфику и специфические же формы интенциональности. Горизонты религии, экономики, искусства и др. с одной стороны специфичны и в определенной мере индивидуальны, а с другой – связаны в границах цивилизационного текста. Интенциональный анализ направлен на горизонт языка, который есть «система знаков, выражающих понятия»¹⁸ (Ф. Соссюр). Под языком понимается естественный язык.

Выделены границы цивилизаций в горизонте языка на основе миров-языков, образовавшихся вокруг прежних «языков-истин», которые продолжают оставаться главными источниками заимствований в современные языки на большинстве уровней. А. Я. Шайкевич вводит понятие *культурно-языкового союза*, который можно отождествить с мирами-языками: европейский (на основе древнегреческого и латыни); ближневосточный (на основе классического арабского и фарси); индийский с санскритом и пали; дальневосточный на основе вэньяна. Союз на основе русского языка не закончил свое формирование и его перспективы неясны.

Интенциональный анализ предполагает выделение уровней языка. Структурное деление естественного языка общепризнано – это уровни фонемный, морфемный, лексический и синтаксический. Сюда добавлены письменность и уровень текстов. Анализу подвергнуты только три уровня.

Каждая цивилизация, выступая коллективным субъектом, имеет в качестве *интенционального объекта* другие цивилизации или/и саму себя. Следовательно, интенции могут быть направлены «вовне» или «вовнутрь». Первые названы *экстернальными*, интенция направленная «на себя» названа

¹⁷ Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / Пер. с фр. – Мн.: Логвинов, 2004. – С. 108.

¹⁸ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с франц. – Екатеринбург: Издательство Урал. ун-та, 1999. – С. 23.

рефлексивной. Каждый уровень – письма, лексики, текстов, имеет свои интенции и интенциальные объекты. Содержание репрезентированных в языке экстернатальных интенций названо *ксеноглоссами*¹⁹. Элементом ксеноглоссы на уровне письменности будет *ксенографема*, на уровне лексики – *ксенолексема*, на уровне текстов – *ксенотекст*. Содержание представленной в языке рефлексивной интенции названо *метроглоссой*²⁰. Элементами метроглоссы на уровне письменности, лексики и текста будут, соответственно, *метрографемы*, *метролексемы* и *метротексты*.

Целью анализа было выявление интенциальных объектов на каждом уровне выбранного языка. В последующих параграфах эти интенции сопоставлены, обнаружены их общность и различия. Это позволило сделать выводы об интенциальных объектах языкового горизонта русской цивилизации.

Во втором параграфе «**Интенции на уровне письменности**» выявлена взаимосвязь феноменов цивилизации и письменности, представлена краткая история грамматики, выделены наиболее влиятельные «письменности-власти». Выявлены интенциальные объекты русской цивилизации на уровне письменности, приведены примеры ксено- и метрографии.

Письменность имеет огромное значение в истории культуры. Вершиной развития письменности является алфавит. Ч. Лоукотка отмечал, что письменность настолько тесно связана с развитием цивилизации, «что мы вообще не можем представить себе цивилизацию без письма»²¹. Отсутствие письма означает отсутствие истории. Возникновение письменности создает иерархию народов, она превращается в форму власти. И. Фридрих выделяет два главных очага распространения письменности: ближне- и дальневосточный, возникшие независимо друг от друга. Ж. Деррида отмечал, что письмо понимается как способ «конституирования субъектов» или даже способ «конституирования вообще». Возникновение алфавита – это эпоха «логоса». История, согласно М. Маклюэну, делится на два периода изобретением печатного станка, который становится вехой между устным миром премодерна и модерном. Книгопечатание гомогенизирует нацию, централизует государство, индивидуализм идет на смену коллективизму. В целом, грамматологические штудии во второй половине XX века ведутся одновременно в областях лингвистики, философии и социологии. Расцвет грамматики совпадает с моментом расцвета текстуализма.

Письменность во многом предопределяет границы цивилизаций-текстов и является важным фактором идентификации. В целях установления интенций на уровне письменности выделены существующие системы письма. Несмотря на мозаику большого числа национальных государств сегодня существует небольшое количество используемых систем письменности. Наиболее распространенной системой в наши дни является латиница. За ней следуют китайское письмо (около 1200 млн.), арабское (около 700 млн.), деванагари

¹⁹ От греч. *xenos* - «чужой» и *glossa* – «язык».

²⁰ От греч. *meter* «мать», которое в сложных словах также означает «родной».

²¹ Лоукотка Ч. Развитие письма. / Пер. с чеш. – М.: Из-во иностранной литературы, 1950. – С.13.

(около 650 млн.), кириллица (около 230 млн.). Эти системы письменности продолжают свою экспансию.

Эти виды письменности названы «*письменностью-властью*», по аналогии с «языком-властью». Выделенные ареалы письменности совпадают с ареалами «языков-истин» и, переформулируя Б. Андерсона, в историческом аспекте эти виды письменности возможно именовать термином «*письменность-истина*». Они составляют тот репертуар, на который ориентируются бесписьменные этносы и молодые нации в процессе самоопределения. Письменность становится одним из важнейших маркеров идентификации. Выбор систем письма демонстрирует определенную интенцию по отношению к стоящим за этой письменностью цивилизациям.

Ограниченный репертуар видов письменности демонстрирует факт того, что это не этническая, не национальная, а цивилизационная интенция. В этом отношении показателен пример тюркских народов, которые оказались «разорваны» различными системами письма. Отсюда, для тюркских языков возможны четыре цивилизационных интенции²², при этом первые три экстернальны, а последняя – рефлексивна. Симптоматичен пример указа президента Н. А. Назарбаева о переводе казахского языка на латинскую графику, породивший мощный общественный резонанс как в Казахстане, так и в России.

Кириллица является одним из наиболее зримых проявлений русской цивилизации. Несмотря на то, что кириллица появилась не на Руси, многие авторы называют кириллицу «русским письмом». Кириллица – это пример *метрографии*. В связи с развитием Русского государства, появлением и распространением Российской империи, а затем СССР, роль кириллицы изменяется. Став в древности альтернативой могущественным «письменностям-истинам», кириллица сама становится «письмом-властью» и ведет борьбу с другими «цивилизациями-письменностями».

Кириллица стала одной из важных моментов цивилизационной идентификации. По отношению к русской цивилизации кириллица имеет рефлексивную интенцию. Кириллица воспринимается как нечто «исконное», «изначальное». Границы России полностью находятся в пределах «кириллической цивилизации». С другой стороны, кириллица понимается как элемент наследия Византии и связана с внешней интенцией: она – своеобразный графический «Третий Рим». В письменности произошло сопряжение «славизма» и «византизма». Греко-византийская интенция стала *хронографическим* элементом идентификации. Славянско-русская же интенция проявляется как *топография*. При этом греко-византийская интенция интериоризирована и не воспринимается как антагонистичная, то есть «западная».

Латиница же выступает как «конкурент» по отношению к кириллице. Она репрезентирует *ксенографию*. После революции, в целях

---

²² Для тюркских языков не существует письменности на индийской основе.

«интернационализации и разрыва с прошлым», существовал проект перевода русского языка на латинскую письменность. Утверждалось, что кириллица – это «исторический пережиток», наследие царизма, «проклятие самодержавного строя». Латинская же графика есть «настоящее завоевание Октябрьской революции», «идеологически» подходящая для реализации «культурной революции на базе социализма». Но кириллица сохранила свои позиции. В свете же стремительной латинизации языков Средней Азии, прежде использовавших кириллицу, можно утверждать, что столкновение метро- и ксенографии в русском языке продолжает оставаться актуальным.

В третьем параграфе «**Интенции на уровне лексики**» обосновано существование связи между лексикой и цивилизацией. Утверждается наличие особых «*лексических миров*» – культурно-языковых союзов, которые являются главными источниками заимствований в современные языки. Вводятся понятия ксено- и метрогlossария, примеры которых рассмотрены на материале современного русского языка. Представлена краткая история языков престижа по отношению к русскому языку.

«Словесный арсенал» фиксирует своеобразие культуры носителей данного языка. Лексика современного языка является *застывшей формой истории*, отражающей изменения, происходившие в культуре за все время ее существования. Выделенные ранее могущественные мировые энкратические языки, оказывающие наибольшее влияние на развитие других идиомов, языки культурных мегатекстов или цивилизаций, имеют и наиболее влиятельные лексические репертуары. Борьба «миров-языков» ведется не только на уровне письма, но и на уровне лексики.

Язык обладает качеством интенциональности. Отдельные языковые уровни также интенциональны. Интенции лексического языкового уровня обозначаются специальными терминами: лексика с рефлексивной интенцией носит название *исконной*, лексика с внешней интенцией – *заимствованной*. Русская исконная лексика подразделяется М. И. Фоминой на четыре диахронических уровня: индоевропейские слова, общеславянские, восточнославянские и собственно русские. Исконной противопоставляется заимствованная лексика. Н. М. Шанский выделял следующие важнейшие источники заимствований в современном русском языке: тюркские языки, греческий, латинский, польский, немецкий, французский, английский, итальянский, нидерландский. Заимствования из остальных языков незначительны.

Заимствования из этих языков осуществлялись не одновременно. *Языки престижа* чередовались со временем. Греческий язык становится языком престижа еще в эпоху общеславянского единства. Распространение христианства еще более способствует укреплению престижа этого языка. Заимствования из тюркских языков начинаются с самых ранних периодов истории. Но языком престижа тюркские языки становятся только после монгольского нашествия со второй половины XIII века. Польские заимствования связаны с эпохой Смуты и наиболее многочисленны в XVII в.

Большинство латинизмов заимствуется посредством польского и украинского языков в этот период. Немецкий и голландский приобретают престиж в Петровскую эпоху. С 60-х годов XVIII века возрастает влияние французского языка. Французский остается языком престижа вплоть до революции 1917 года.

После революции, в 20-е годы, вектор заимствований обращается «внутрь». Поток заимствований снижается, и направляется на «освоение старых иноязычных заимствований народными массами», приобщавшимися к литературному языку. В это же время идет сложение автономного культурно-языкового союза вокруг русского языка, который сам становится источником заимствований во многие языки народов СССР и советского блока. В постсоветской России вновь появляется главный вектор заимствований – английский язык, несомненно, за три десятилетия укрепивший свою позицию языка престижа. Отметим, что между периодами заимствований не существует четко определенной границы. Эти периоды следует понимать как волны, накладывающиеся друг на друга (по Э. Тоффлеру).

Сделан вывод, что в историческом аспекте влияние других языков на русский неравномерно. Выделяются отдельные языки и стоящие за ними культуры, на которые был *интендирован* русский язык. Современный язык обнаруживает обширные области лексики, заимствованные из разных источников. Таким образом, мы наблюдаем «языки в языке», репертуары адаптированных и аккультурированных слов и понятий, при этом сохраняющих свои интенции. Эти семантические области, рассматриваемые как целое, названы *ксеногlossариями*. Примером ксеногlossариев будут области греческих, латинских, тюркских, арабских и других заимствований. Ксеногlossариям противостоит *метрогlossарий* – совокупность исконной лексики языка.

Национальный язык не подходит в качестве основания выделения ксеногlossариев. Во-первых, из-за анахронизма. Национальные языки являются продуктом Нового времени и индустриализма, ксеногlossарии же несут в себе следы межкультурных контактов за всю историю языка. Во-вторых, деление на национальные языки слишком дробно. Более надежным основанием может выступить предложенная А. Я. Шайкевичем идея «*культурно-языкового союза*». Определенный язык интендирует к небольшому количеству источников заимствования. Эти источники представляют собой не отдельные языки, а большие культурные, социальные и исторические общности, которые являются *объектами лексических интенций*. Ксеногlossарии репрезентируют эти миры-языки в лексике. Выяснено, что интенция остается стабильной на протяжении определенных временных интервалов. С другой стороны, интенции нестабильны в макромасштабе. Интенциальные объекты могут изменяться.

Культурно-языковые союзы формируются вокруг старых «языков-истин». Несмотря на падение их статуса, метрогlossарий и ксеногlossарии в лексическом составе новых языков не претерпели существенных изменений. Старые энкратические языки теряют свой престиж и власть не сразу и не на

всех уровнях. В Европе латынь и греческий остаются главными источниками заимствования для всех новых языков и сегодня.

По нашим подсчетам, в современном русском языке наибольшее число заимствований – из греческого языка. Следующий источник – латынь и производные от нее романизмы. Германизмы на третьем месте. Заимствования из других европейских языков (например, кельтских) по историческим причинам незначительны. Следующий по значимости ксеногlossарий – тюркский. Следует заметить, что посредством тюркских языков были заимствованы многочисленные арабизмы и иранизмы. В целом, объем заимствований в русском языке относительно невелик. Исконный репертуар намного превышает заимствования. Это означает господство *рефлексивной интенциональности* на лексическом уровне языкового горизонта цивилизации. Внешние же интенции обращены к европейскому культурно-языковому союзу, исторически тяготея к греческому его элементу. Но следует заметить, что со временем количество ксенолексем увеличивается.

Лексико-семантические поля – ксеногlossарии и метрогlossарий, представляют своеобразную *картину мира*. Картина мира *лингвоспецифична*. Она отражает «наивные» представления о природном и культурном окружении. Ксеногlossарии – это вкрапления иных языковых миров в составе рассматриваемого языка. Они представлены как *лексико-семантические поля*, основой выделения которых является общность происхождения входящих в них лексем. Они представляют собой «языковые картины» других «миров» для носителя языка. В итоге, утверждается, что культурно-языковые союзы – это своеобразные «*лексические цивилизации*», могущественные энкратические системы, распространяющие свою власть на отдельные языки, каждый из которых интендирован к определенному союзу, либо продолжает его традиции.

Ситуация же с современным русским языком неоднозначна. С одной стороны он претендует на создание отдельного культурно-языкового союза. С другой стороны, в последние десятилетия, вследствие крушения Советского Союза, влияние русского языка на постсоветском пространстве постоянно снижается. Специфической чертой этого союза является то, что он складывался на основе современного языка, а не на языке религиозных текстов, как все остальные миры-языки. Русская «*лексическая цивилизация*» так окончательно и не сформировалась, хотя она остается интенциональным объектом ряда языков.

В четвертом параграфе «Интенции на уровне области текстов» обосновывается интенциональность на уровне философских текстов. Намечены те интенции и их объекты, которые существовали в русской философии «классического периода», отмечены отдельные мыслители, проявившие эти интенции наиболее ярко.

Текст является высшей формой уровневой структуры языка. Текст – «основная единица коммуникации», элементы нижних уровней представлены в коммуникации опосредовано. Текст есть «целостная система, обладающая

интегральными свойствами и функционирующая во внешней по отношению к нему среде», – отмечает О. А. Каменская²³.

Анализ интенций на этом уровне осуществлен на основе текстов русской философии XIX – начала XX века, в силу того, что они наиболее репрезентативны. С другой стороны, многие из этих интенций имеют продолжение и в современной российской мысли. Философия, в системе О. А. Каменской, будет соответствовать пятому уровню знаний – «отрасли знаний». В языке ему соответствует уровень «области текстов». Философия представляет интерес тем, что здесь непосредственно соединяются знание и язык.

Исторически первой текстуальной интенцией является *греческая*. Ее формой выступает «*византизм*». Интенциальным объектом здесь выступает православная Греция. Корни византизма уходят во времена христианизации Руси. В построениях К. Н. Леонтьева наблюдается интеграция византийско-греческой и русско-славянской интенций в систему «цветущей сложности», но здесь очевидно доминирование византийского элемента. В границах этой интенции греческие религия, литература, письменность понимаются как важнейший элемент традиции, неотъемлемая сторона русской идентификации и не воспринимаются как «западные», несмотря на то, что исторически и культурно они таковыми являются.

Греческая интенция выходит за пределы «византизма». Примером может быть историософия Вяч. И. Иванова, сформулировавшего концепт «эллинства». Если горизонтом «византизма» выступает православие, то горизонтом «эллинства» являлось античное классическое язычество.

Исторически следующей текстуальной интенцией является *интенция западноевропейская*, по выражению К. Н. Леонтьева и Н. Я. Данилевского, – «романо-германская». Под «романо-германской» или «западноевропейской» цивилизацией понимают синтез элементов англо-американской, французской и немецкой культур. Например, И. С. Аксаков выделяет три основных языка Европы – французский, английский и немецкий.

С позиции интенциональности, западничество – это не только общественно-политическое движение, утверждающее цивилизационное единство России и Западной Европы, но стратегия заимствования идей и текстов. Одним из первых «кумиров» отечественной философии стал Ф. В. Й. Шеллинг, увлечение трудами которого привело к возникновению русского шеллингианства. Н. О. Лосский понятие «западничества» связывает с развитием русского гегельянства. Среди других влиятельных западных течений в русской философии мыслитель выделяет материализм, позитивизм, неокантианство, марксизм. Все эти направления интендированы на западноевропейские философские тексты.

Западничество необходимым образом ведет к *славянофильству*. Славянофильство – важнейшая *рефлексивная интенция*, не теряющая

---

²³ Каменская О. Л. Текст и коммуникация. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 51-52.

популярности и в XXI веке. Понятие рефлексивности можно понимать в данном случае двояко. С одной стороны, это реакция или отражение («рефлекс») западной интенции. С другой стороны, это обращенность на себя («рефлексирование»). Мыслители этого направления стремятся сконструировать новый универсум текстов, главными чертами которого стали бы независимость от внешних влияний и направленность на собственную традицию.

В отношении к языку славянофилы занимают иную позицию, нежели западники и даже византисты. Языковой горизонт цивилизации ясно осознается славянофилами. Более того, язык становится у них одним из важнейших оснований славянской идентификации (Н. Я. Данилевский, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков). Особая роль языка в историософии славянофилов получает отражение в области языковой политики. Здесь славянофильские идеи преобразуются в языковой *пуризм*. Наиболее известным деятелем этого направления был А. С. Шишков. Программа пуризма заключается в развитии языка «духовных» и «народных» текстов в ущерб текстам заимствованным.

К концу XIX века, на волне интереса к мистике и экзотике, возникает новая интенция, ориентированная не на географический и мировоззренческий Запад, а на географический Юг и мировоззренческий «Восток». Интенциональным объектом становится Индийская цивилизация. Ряд отечественных мистиков создает корпус текстов, которые в XX веке станут основой направления «Новый век» (New Age). Е. П. Блаватская, Г. И. Гурджиев, П. Д. Успенский, супруги Рерихи создают традицию оккультно-эзотерического «*индизма*». Но интерес к индийской цивилизации и ее интеллектуальному наследию так и не перерос в особую философию, как это случилось с византизмом и западничеством. Индийская интенция остается маргинальной в области философских текстов. Подобную интенцию можно назвать содержательно *пустой*. Примером другой пустой интенции является дальневосточная. Русская философия никогда не опиралась на богатейшие традиции китайской мысли. Еще одна пустая интенция – арабо-персидская.

Следующая не-западная интенция имеет своим объектом кочевые народы и государственные образования Евразии. *Монгольско-тюркская интенция* проявляется в учении евразийцев. Г. В. Вернадский полагал, что включение России в Монгольскую империю позволило ей стать частью «огромного исторического мира, простиравшегося от Тихого океана до Средиземного моря»²⁴. Н. С. Трубецкой находит новое название для этого интенционального объекта – «Туран». Философ утверждает, что объединение земель современной России под властью одного государства предпринято впервые не «русскими славянами», а «туранцами-монголами». Философ делает вывод, что «сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории»²⁵.

²⁴ Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории // Основы Евразийства. – М.: «Арктогея-Центр», 2002. – С. 355-356.

²⁵ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – С. 141.

В целом, констатируется, что ни одна из указанных философских интенций не приобрела доминирующих позиций. Борьба метро- и ксенотекстов продолжается и сегодня.

В выводах по четвертой главе изложен концепт цивилизационной интенциональности, представлены уровни языка, описаны характерные черты интенций на каждом уровне и синтезированы выводы об интенциях русской «языковой» цивилизации и ее связях с другими мирами-языками.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы.

В списке литературы приведены источники, использованные при написании диссертации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в научных изданиях, индексируемых в международных системах цитирования (Web of Science, Scopus):

1. Касимов Р. Х. Идея локальных цивилизаций в отечественной историософии середины XIX – начала XX вв.: консервативный и либеральный дискурсы [Текст] / С. А. Шестаков, Р. Х. Касимов // Былые годы. – 2016. – Т. 42. №4. – С. 1208-1216 (1,1 п.л.).

Статьи, опубликованные в научных изданиях, входящих в перечень ВАК РФ:

1. Касимов Р. Х. К состоянию массовой праздничной культуры и ее особенности на юге Тюменской области [Текст] / Р. Х. Касимов // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2007. – № 3. – С.64-67 (0,38 п.л.).

2. Касимов Р. Х. Теория и техника комизма и их связь с массовой культурой [Текст] / Р. Х. Касимов // Омский научный вестник. – 2007. – № 6-62. – С. 197-198 (0,3 п.л.).

3. Касимов Р. Х. Функционирование смеха в эпоху постиндустриализма [Текст] / Р. Х. Касимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 4(18), Часть 1. – С.64-69 (0,44 п.л.).

4. Касимов Р. Х. Философия вечера: актуальность «физиогномической морфологии» О. Шпенглера [Текст] / Р. Х. Касимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – №5(55): в 2 ч. Ч. I. – С. 76-78 (0,22 п.л.).

5. Касимов Р. Х. Нуклеус и периферия: локальная цивилизация как гиперэтнос [Текст] / Р. Х. Касимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – №7(57): в 2 ч. Ч. I. – С. 74-76 (0,22 п.л.).

6. Касимов Р.Х. Возрождение мироимперий: категория цивилизации в контексте миросистемного анализа [Текст] / Р.Х. Касимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – №8(58): в 3 ч. Ч. II. – С. 96-98 (0,22 п.л.).
7. Касимов Р.Х. Геософия в составе теории локальных цивилизаций [Текст] / Р.Х. Касимов // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №19. – С. 164-166 (0,25 п.л.).
8. Касимов Р. Х. Теософия и цивилизация (на примере работ О. Шпенглера и А. Тойнби) [Текст] / Р. Х. Касимов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – №11(61): в 3 ч. Ч. III. – С. 78-80 (0,22 п.л.).
9. Касимов Р.Х. Экософия и цивилизационная динамика [Текст] / Р.Х. Касимов // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №21. – С. 212-214 (0,25 п.л.).
10. Касимов Р.Х. Третья цивилизация: социально-культурные сверхсистемы в дискурсе постмодерна [Текст] / Р.Х. Касимов // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №22. – С. 179-181 (0,25 п.л.).
11. Касимов Р.Х. Опыт деконструкции историософии О. Конта [Текст] / Р.Х. Касимов // Общество: философия, история, культура. – 2015. – №6. – С. 27-29 (0,25 п.л.).
12. Касимов Р.Х. Цивилизация как категория постклассической политологии [Текст] / Р.Х. Касимов // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – №1. – С. 12-14 (0,25 п.л.).
13. Касимов Р. Х. Балтизмы в современном русском языке как семантическое поле [Текст] / Р. Х. Касимов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 2(56): в 2 ч. Ч. 1. – С.108-109 (0,25 п.л.).
14. Касимов Р.Х. Цивилизационный абсолютизм и цивилизационный релятивизм [Текст] / Р.Х. Касимов // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – №2. – С. 32-33 (0,25 п.л.).
15. Касимов Р.Х. Ксенэстезия в политическом дискурсе как коррелят феноменологической аппрезентации [Текст] / Р.Х. Касимов // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – №3. – С. 29-31 (0,25 п.л.).
16. Касимов Р. Х. Цивилизация: от истории слова к современным значениям [Текст] / Р. Х. Касимов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2016. – №2. – С.164-173 (0,5 п.л.).
17. Касимов Р. Х. Аэро- и медиакратия: война в воздухе и в эфире. Опыт сравнения [Текст] / Р. Х. Касимов // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – №5. – С. 43-45 (0,25 п.л.).
18. Касимов Р. Х. Цивилизация: от организма к конструкту [Текст] / Р. Х. Касимов // Общество: философия, история, культура. – 2018. – №10. – С. 31-34 (0,32 п.л.).

19. Касимов Р. Х. Цивилизация и эрос в историософии Освальда Шпенглера [Текст] / Р. Х. Касимов, С. А. Жаринов // Манускрипт. – 2018. – № 11(97). Ч. 1. – С. 94-98 (0,73 п.л.).
20. Касимов Р. Х. Вселенная знаков. К вопросу о противопоставлении категорий культуры и цивилизации [Текст] / Р. Х. Касимов // Общество: философия, история, культура. – 2019. – №1. – С.138-140 (0,31 п.л.).
21. Касимов Р. Х. Цивилизационные интенции: византизм [Текст] / Р. Х. Касимов, С. А. Жаринов // Общество: философия, история, культура. – 2019. – №1. – С.133-137 (0,6 п.л.).
22. Касимов Р. Х. Идеи ранга в философской концепции И.А. Ильина [Текст] / Р. Х. Касимов, В. А. Кондаков // Общество: философия, история, культура. – 2019. – №2. – С.12-18 (1,74 п.л.).

Монографии:

1. Культура и антикультура: теория и практика [Текст]: коллективная монография / Науч. ред. Л. Н. Захарова, Л. Н. Шабатура. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. – 115 с (9,6 п.л.).
2. Лазутина Т. В. Язык культуры: от модерна к постмодерну [Текст]: монография / Т. В. Лазутина, Р. Х. Касимов, А. В. Шляков. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. – 108 с (2,3 п.л.).

Публикации в других научных изданиях по теме диссертации:

1. Касимов Р. Х. Четыре основания славянской цивилизации: Н. Я. Данилевский и миссия России [Текст] / Р. Х. Касимов // Социокультурные проблемы развития регионов России в условиях кризиса: Материалы Тюменского социологического форума. – Тюмень: Изд-во «Вектор-Бук», 2009. – С. 201-204 (0,38 п.л.).
2. Касимов Р. Х. Африка, как концепт: слова африканского происхождения в русской языковой картине мира [Текст] / Р. Х. Касимов // Человеческий и профессиональный потенциал молодежи региона: тенденции и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: 2013. – С.249-251 (0,25 п.л.).
3. Касимов Р. Х. Категория всеединства как архетип русской философии и социологии [Текст] / Р. Х. Касимов, Т. В. Давыдова // Селивановские чтения: сборник материалов международной научно-практ. конференции, 27 июня 2013 г.; ТюмГНГУ, ТГАКИиСТ. – Тюмень: РИЦ ТГАКИиСТ, 2013. – С. 30-36 (0,3 п.л.).
4. Касимов Р. Х. Культурно-языковые союзы в цивилизационном дискурсе [Текст] / Р. Х. Касимов // Наука и образование в XXI веке: сборник трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 сентября 2013: в 34 частях. Часть 15: М-во образования и науки РФ. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-наука-общество», 2013. – С.32-33 (0,25 п.л.).
5. Касимов Р. Х. Фигура и фигуративность: Языковые возможности и границы понятий [Текст] / Р. Х. Касимов // Эстетическая антропология: фигуративный

- аспект. Материалы всероссийской научно-практ. конференции, (Тюмень, 13 декабря 2013 г.). – Тюмень: Мандр и Ка, 2013. – С.86-90 (0,25 п.л.).
6. Касимов Р. Х. Заимствования из коренных языков Южной Америки и их влияние на культуру (на примере английского языка) [Текст] / Р. Х. Касимов // Актуальные проблемы лингвистики – Материалы международной научно-практ. конференции, 6 марта 2014 г. / отв. ред. Х. С. Шагбанова. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. – С. 58-61 (0,3 п.л.).
7. Касимов Р. Х. Многомерность понятия цивилизация в философии Фернана Броделя [Текст] / Р. Х. Касимов // Селивановские чтения: материалы II международной научно-практ. конференции, 27 июня 2014 г.; ТюмГНГУ, ТГАКИиСТ. – Тюмень: РИЦ ТГАКИиСТ, 2014. – С. 99-102 (0,3 п.л.).
8. Касимов Р. Х. Цивилизация актуальная и цивилизация потенциальная [Текст] / Р. Х. Касимов, Давыдова Т. В. // Вызовы современности: философские и психологические проблемы: Международная научная конференция, посвящённая 50-летию факультета. – Ереван, 10-12 октября, 2014. – С. 58-62 (0,3 п.л.).
9. Касимов Р. Х. Прогресс, сублимация и деконструкция. Диалектическая триада цивилизационных парадигм [Текст] / Р. Х. Касимов // Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник материалов VI Международной научной конференции. Выпуск 6 / Под ред. Жилиной В.А., г. Магнитогорск, 2015: Сб. материалов. – Магнитогорск: МГТУ, 2015. – С. 91-94 (0,3 п.л.).
10. Касимов Р. Х. Цивилизации: языковое измерение [Текст] / Р. Х. Касимов // Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса (г. Уфа, 6 - 10 октября 2015 г.). В 3-х т. Т. II. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – С. 242 (0,1 п.л.).